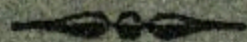

**ЦѢЛОКУПНА ДѢЛА
ДОСИТЕА
ОБРАДОВИЊА.**

Кнѣига четврта.

~~PL 4058~~

ЦЪЛОКУПНА ДЪЛА

ДОСНТЕА ОБРАДОВИЋА.

ДЛЯ АНТИКОПИИ
ДОКУМЕНТА ОБЪЕДИНЕНИЯ

~~Р. 4058~~

Р. 19 Ср II 846 / 4. 1

СОВѢТИ

ЗДРАВОВА РАЗУМА.

ДОСИТЕЕМЪ ОБРАДОВИЕМЪ

СЛОЖЕНИ.

Препечатала и издала

Народна Кънигопечатня

Дан. Медаковиѣа.

КЪНИГА ЧЕТВРТА.

У ЗЕМУНУ

1850.

СН. 1673

264

ГОРЬКО

ЗДРАВОВА РАДУГА

ДОСТУПНОСТЬ

Инв. бр. 49039

Прочитав и одобряю

Народна библиотека

Д. И. М. М. М. М. М.

Книжка читателя

УЧЕБНО-НАУЧНАЯ

1820

ЕГО
ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛСТВУ
ВЫСОКОРОДНОМУ ГОСПОДИНУ
СИМЕОНУ ГАВРИЛОВИЧУ,
ЗОРИЧУ,

ЕЯ ВСЕРОССИЙСКАГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА

Генералъ Майору и разныхъ орденовъ
Кавалеру,

п о с в е щ е н и.

СТО

ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

ВЫСОКОБОДНОГО ТОЧНОСТИ

СИМОНА ТАВРИНОВА

ЗОРНА

ВЪ ВСЕРОССИЙСКОМЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ВЕЛЛЕСТВА

Ученыхъ и военныхъ орденовъ

Кавалера

ПОСВЯЩЕН

**Высокопревосходительнѣйшій
Господине.**

Милостивѣйшій Патронъ!

Онай премудрый и добродѣтельный Камбрей-
скій Архіепископъ, Господинъ Фенелонъ, ніе
могао, нити веѣу, нити лепшу похвалу Сесос-
тру Египетскому Цару дати, разве ово о нѣму
сведочеѣи, да, све што є могло на науку
людма служити, чувствително є было
нѣговомъ великомъ срцу. Ова иста бо-
жественна добродѣтель, то єсть, къ роду чо-
веческому Любовь, коя ВАШЕ человѣколюбне
преси одушевлява, ВАШЕ є Высокопревосходи-
тельство подвигла, мене похвалити, и чрезъ то,
къ далшему труду возбудити и укрепити; и у
исто време, мени поводъ и дрзновеніє дати,
ово здравога разума совѣтовъ на на-
шемъ Србскомъ Діалекту Сочинѣніє, ВАШЕМЪ
Славномъ Имену посветити. Уздамъ се, да ВАШЕ

Високопревосходительство, кои сте прву часть
мои Приключенія благонаклонно примити и по-
хвалити соизволили; даѣте ме, и ову кою про-
симъ, и одъ ВАШЕГЪ краснотушія благонадежно
ожидавамъ, благодати всемилостивѣйше удо-
стоити; ово мое мало сочиненіе, за усерднѣй-
шій мое всегдашнѣ благодарности и высокопо-
читанія знакъ, съ природнымъ ВАШЕМУ пре-
красному ерцу великодушіемъ примити, и мене
ВАШЕ милостивѣйше Благонаклонности и у на-
предакъ удостоити.

ВАШЕГО

Високопревосходительства,

Моего Благодатиѣйшего

ПАТРОНА

Смирнѣйшій Слуга

ДОСИѢЙ ОБРАДОВИЧЪ.

ПРЕДИСЛОВІЄ ЧИТАТЕЛЬИМА.

Ево вамъ предраги Народа моего читательи и читателнице, по моемъ обежаню Здравога разума совѣти! кое, ако вы съ половицомъ толике благопріятности и драговольства, съ ко-
ликимъ я ии вамъ усрдіемъ предаемъ, дочекате и примите, моя же желя са свимъ испунѣна би-
ти. Не двоимъ, да ко годъ просвештеніе ра-
зума пристойно почитуе, добродѣтель любви и истину жели и тражи, да же радо и драговоль-
но, ово мое сочинѣніе читати. Подъ овымъ Ти-
тломъ много се дае бесѣдити; и што се годъ о благонаравію и добродѣтели говорити може, све се то подъ именемъ здравога Разума Со-
вѣтовъ содржава; зато, ако ме промисалъ не-

О Любви.

*По чему є любовь найблагороднїя сшрасшь,
и што валя мыслиши о ньой.*

Любавь нїє ништа друго, него радость о савршенствама другога, или съ другимъ речма: Любавь є непрестана желя и настоянъ, благополучіе и савршенство они коє любимо, узроковати. Колико се више радуемо ньювомъ правомъ добру, толико їи више любимо. Любавь є прво и поглавито свойство Божіе; доброта, благость и милость рађаю се изъ любви. Сва остала Божія савршенства, безъ любви и доброте на никакву ползу неби намъ била. Нъгово всемогућство и премудрость, само за нъгову неизказану любавь къ нама, биваю намъ благопотребне и прєдраге. Благїй отаць небесни изъ саме свое безчислене любви и милости создао є сва створєня, все садржава, о свему промишлява, и свимъ премудро управля. Бданъ царъ, владѣтель, или отаць фамиліе, толико є больїй, колико више любви подане свое о ньювой ползи стараюћи се, и ньюво благополучіе узрокуюћи. Изъ тога се види, колика є доброта и

милость Оца небеснога къ нама; прво, што насъ е украсіо са словеснимъ духомъ, и разумномъ памећу, и дао намъ е средство и начинъ, да, ако само хоћемо, одъ данъ до данъ разумни, просвештени, больи, савршеніи и срећниіи можемо постати; друго, што чрезъ сва своя створеня, никадъ не престае, милость свою на насъ изліяваюћи. Нека окренемо само еданъ погледъ, на ову нашу благодѣтелну дневну звезду, сиречь на сунце, о коемъ свети Царъ и Пророкъ пое, говорећи: *И шой яко женихъ изходишъ изъ чершого своего шещи пушъ.* Као младоженя, сиречь украшенъ и пунъ любви, свако ютро изъ невѣстника свога излази; путь свой за обићи; сву землю свѣтлимъ своимъ окомъ нагледати; са златни свои зраци све осіяти, све просветити, све огріяти, и своимъ присутствіемъ сва створеня облагодѣтельствувати. *Тещи пушъ!* Одъ истога минута, одкадъ га е вѣчный Твораць сотворио, нѣгово е теченіе непрестано, неутруђено и вѣчно. У исто време кадъ насъ за одпочинути ноћу покріе, другимъ странама и народомъ свѣтли данъ доноси; наше вече другимъ е ютро, и поноћи наше другима е подне. Почемъ у пролеће сву землю покріе и накити травомъ и свакоякимъ цвѣћемъ, сва дрва дубравна обуче и украси зеленимъ лишћемъ; развесели, наслади уши наше сладкосличномъ воздушномъ различни птица музикомъ; почемъ обогати веселе пастире и беззлобне пастирке новимъ приплодкомъ кротки яганъчића, утркльивопоподскокльиви теочића, и несташни ярића; почемъ у лето учини сазрети све плоде земне, и амбаре наше раномъ напуни и почемъ заповеди богатой есени, да проспе по

лицу земному свакогъ рода воѣа, и да напуни бурадъ нашу виномъ; почемъ све ово у поредакъ метне и саврши, онда, за дати земљи нашої време да одпочине, мало по мало узмичући и уступајући, отиде другима лето донети, а насъ за неко време остави, да се помажемо како болъ знамо и можемо, съ лозномъ крвлю и врухомъ неѣкомъ.

Сада ћемо попробеседити о любви човеческой. Богъ е улю у сва створеня природну къ себи любовь. Свако животно себе люби, зато непрестанно тражи оно што му е потребно и угодно, а укланя се и бѣжи одъ свега, што му е вредовито и непоѣудно. Ово исто мора бити и при човеку. Изъ ове естестве и природне къ себи любви, раѣаю се сва нѣгова намѣренія и дѣла. Сада све о томъ зависи, како и на што валя ову страсть употребити, и къ каквомъ е концу управити; зато о овомъ послу не валя као мимогредъ и трчећи да мислимо; овде смо дужни сву силу ума и разума нашега употребити, зашто изъ овога вида любви раѣа се све наше благополучіе или злополучіе, то естъ, сва наша наравна доброта или злоѣа. Ко би се надао да изъ еднога истога извора може извирати сладко и горко, медъ и едъ: добро и зло? Но сама стваръ, и свакидашнѣ искусство осведочава и не оставля ни длачице двоумлѣня, да е тако а не другояче. Некъ само внимателно посмотримо, ласно ћемо познати и ясно, да изъ самогъ употреблѣнія и управлѣнія къ себи самомъ любви раѣаю се, колико сва славна, прехвална и добродѣтелна исправлѣнія, толико и сва безчовечна, неправедна, худа и неваляла дѣла. Зловоспитана, покваре-

на и пакостна срца човекъ преизлишнимъ самолюбіемъ ослеплѣнъ, бива неправеданъ, ненавистливъ, завистливъ, пунъ мрзости и лукавства, надувенъ високоуміемъ и гордостію, тврдоглавъ, самоволянъ, немилостивъ и безчовѣчанъ. Зашто арамія отима туђе, и зверонаравнимъ срцемъ и душою, пролива брата свога, подобнога себи човека, неповину и праведну крвь? Низашто друго, него изъ неразумне, неправедне и опаке любви къ себи самомъ, желећи или да што добие, или какву либо освету да учини. На противъ добродѣтели човекъ, кои е изъ дѣтинства свога разумно и добро воспитанъ, и коєга е срце здоровомъ и разумномъ наукомъ напоено и напунѣно, само е на добро склонѣнъ и готовъ. Любећи како валя себе, мора любити Бога како свое крайнѣ и вѣчно добро; а шта е друго любити Бога, него праведно и поштено живити? Любећи разумно себе, чрезъ све време живота свога тежи и настои, како ће славно и поштено име заслужити; а одавде се рађа любовъ ко отечеству, вѣрность къ цару и къ старіимъ своимъ, прилжно и неутрудно исполнѣніе сваке своє дужности и принадлежности. Любећи паметно себе, любиће колико више може добродѣтель, знајући да се само у нѣой наоди истини и свагдашній покой и задовольство срца. Еднимъ словомъ, изъ разумне и просвѣштене любви къ себи, рађа се и постає обща къ цѣломъ човеческомъ роду любовь; по којей единой и самой, човекъ уподоблява се небесному Отцу, желећи и настоєћи, да свакомъ учини по свомъ могућству добро. Зато нашъ Спаситель *Исусъ* савѣтуюћи насъ да любимо ближнѣга нашего, ово намъ е дао за

мѣру и правило: *яко себе самага*; ерѣ е добро знао, да више и болѣ нити е могуће нити е потреба любити.

Любавь къ родителѣмъ, пресвета и божествена любавь! комъ смо после Бога више дужни, него отцу и матери? Само при воспоминанію ови пречестни имена, у некаково чудно изступлѣніе долази душа, по Богу они су наши Творци, први и найвећи благодѣтели, учители и любители, на кратко, што е годъ пречестно, пресвето, прелюбезно и премилостиво, све се то у имену Отацъ и Мати заключава и садржава. Любавь дружеска! душевно сродство и вѣнчанѣ! слава и дика човеческога рода! ко е може достойно описати? Кадъ се нађу непритворна, нелестна, поштена, вѣрна, и чувствителна срца; єднимъ словомъ Орестска и Пиліадска срца, и познаду єдно у другомъ ону искру божественоса огня, сиречъ любви къ добродѣтели; (понеже право друштво на самой добродѣтели мора основано бити) любе се колико да ѿ е єдна утроба носила; колико се више познаю, толико се више поштују; колико више живе, толико се више любе. Нѣова любавь нѣйма мѣре ни предѣла, имаюћи за конацъ и намѣреніе блажено украшеніе и савршенство срца и душе, а гди су ове две ствари обште, ту већ нѣйма мое и твое. Нѣово постоянство руга се непостоянству фортуне; нити се бое другъ за друга самой смрти на мейданѣ изићи, нѣово е согласіе вѣчно, зашто они све што нѣ права добродѣтель, за ништа вменяваю. Благо ономъ, ко стече вѣрна друга! но безъ красонаравія и добродѣтели, нека се нико не узда добити га.

Време е, да поспотримо любовъ супружества или ти мужа и жене. Шта може бити миліе, свойственіе и сродніе, одъ супруге своє? *И будуть два въ площъ єдину.* Самимъ Богомъ установлѣно свето соединѣніе! Биће ю два тѣла єдно; зато оставиће човекъ оца и матеръ, и прилепиће се жени своіой; не вели присвоиће се, савдиниће се, *но прилѣпишся жени своєй и будуть два въ площъ єдину,* зашто? да савршени буду, и да на подобіе Бога Творца и они творци постану, другъ другу они божествени гласъ изпуштаюћи и говорећи: *Сотворимъ чловѣка по образу нашему и по подобію.* Совокуплѣніе колико сладостно толико пречестно и свето! тайна велика! кою Богомъ умудрени Апостолъ, ничему другомъ ніе приуподобити знао, развъ духовномъ соединѣнію Христа Спасителя съ Црквомъ, сирѣчь съ боголюбнимъ и добродѣтелнимъ душама. Богъ е Твораць и Отаць; овде и човекъ бива Твораць и Отаць; прехвално и преславно плаћаюћи естеству оно што е одъ нѣга примію; достойна себе човекомъ показуюћи, свету себи подобанъ плодъ и родъ даюћи, и неостаюћи неплодно огню опредѣлено суво дрво, нити за неплодіе своє вѣчномъ проклетству предата смоковница. Право дакле наши стари кажу, да лоза кадъ е човекъ сади, говори му: дай ми друга когъ ѣу загрлити, до неба ѣу гране подигнути, и светъ ѣу родомъ моимъ напунити. У нашемъ народу нейма горе клетве, него уклети кога, да му се колєно затре, и да му коровъ на огньишту нарасти. Србинъ, кога е Богъ сподобіо оцемъ бити, ничему се толико не радує и не весєли, колико синове изженити и кѣри разудати.

Изъ тога што смо довде представили, довольно се доказуе, да срце, кое не чувствуе сладку любви и милошће страсть, неће никадъ кадро бити каковелибо похвалне мисли и намѣренія зачети, јоштъ манъ какова либо славна и висока исправљѣнія предузети; понеже изъ саме любви, како годъ изъ едногъ пренотекућега извора, рађа се доброта права, милость искрена, горећа и непрестанна желя, оне кое любимо благополучнимъ учинити, свагда задовольне и вавѣкъ радостне гледати. Прси, кое не осећаю и не чувствую у себи никакова любовнога склонѣнія, пуне су леда, подобне су тамной пештери, пуной вѣчне ноћи и дивии зверова, кою никада зраци сунца не осіяваю. Плива у неизсипуѣму нектару сласти великодушно и милостиво срце добродѣтелногъ човека, гледајући предъ собомъ и око себе весела и цвѣтућа сміянѣмъ лица, они кои га оцемъ и благодѣтелѣмъ наричу, и благодсти срца нѣгова, свое радостне и веселя пуне дне приписую. Да промислимо само, у каквомъ благополучномъ состоянію би се видели люди, кадъ би се између себе дружески и чистосречно любили; нестало би међу њима вражде и зависти, изченула би свака обида и неправда. Не само нико ни на кога не би мрзіо, но сваки би за свою свойственну срећу вменявао, благополучіе ближнѣга своего узроковати; силнии би и ячій у обраниваню слабѣга сву славу свою и витежство полагао; и богатъ само би онда за благополучна себе судіо, кадъ би прилику и благовременство нашао, на добро богатство свое употребити. Човекъ богатъ безъ любви подобанъ е Танталу, кои до грла у бистрой рѣци гнюрень, за водомъ чезне,

Сама любовъ кадра е дѣломъ показати, колико е добро богату бити; будући да само чрезъ ню може човекъ съ имѣніемъ своимъ много добра учинити, и похвално име међу браћомъ своимъ заслужити.

Све житіе и наука нашего небесногъ Учителя ніе ништа друго него любовъ; кажу намъ да е Богъ общи Отаць свега човеческаго рода, и чрезъ ову утѣшительну, сладку и любве пуну науку, међу све люде братску любовъ уводи. Може ли се гди толико неблагодаранъ синъ наћи, кои такогъ оца неби любіо? А може ли ко Оца любити, не любећи браћу свою, истога Оца синове? Іоштъ е више цѣломъ свету показао, да е све нѣгово Евангеліе на самой любви основано, будући да савъ животъ нѣговъ одъ колевке и до гроба ніе друго био него любовъ. Любовъ и покорность къ родителѣмъ прикладомъ е своимъ показао, покоравяюћи се свагда праведному Іосифу, и свою милу Майку при самомъ смртномъ часу, другу и ученику своему Іоанну препоручуюћи. Любовъ дружеску потврдіо е и прославіо, искрено и срдечно любећи друга своего Лазара, и сестре нѣгове. Колико е високопочитаніе честной и светой женидби освѣдочіо, изъ тога се може видети, не само што е изволіо съ родительницомъ своимъ и съ ученици свои на брачно веселѣноћи, но и први знакъ небесне власти свое овде е показао, и што е найпотребніе овомъ веселомъ празнику, сиречь вино, вино е даровао, и што е више; задати познати онима кои буду нѣгову свету науку приимати, какво миѣніе о овой пресветой тайни валя имати, и кое високопочитаніе къ овомъ пречестномъ роду човѣческаго союзу освѣдоочавати, истога е младо-

женю за Апостола свога избрао. Съ коликомъ ми-
лошћу малу е дѣчицу у наручи свое примао, и къ
любведишућимъ прима своимъ пригрљавао! На дру-
голюбни састанакъ, часть и веселѣ не само нѣ него-
довао, но томе е и самъ са ученици свои причаст-
никъ бивао, даюћи намъ човеколюбни прикладъ, да
се съ веселими веселимо, а разцвелѣне и плачуће,
или да утѣшимо, ако можемо, или съ нѣима заедно
да плачемо. Кроткому и човеколюбивому *Исусу* врло
е добро познато било, да само добра и любовна срца,
любве састанакъ, дружество и веселѣ. Фарисейска ду-
гимъ постомъ и притворномъ светиньомъ поBLEЖЕНА
и намргоЖЕНА лица, познаваюћи нѣіова пакостна и лу-
кава срца, нѣе могао нишошто трпѣти; укоравао ѣи е
и обличавао као неприѣтелъ и злотворе човеческога
рода. Юштѣ савише, публичне грѣшнике као благій
Лекаръ болне свое посѣштавао е, къ покаянїю дово-
дећи ѣи и на добродѣтели путѣ наставляюћи. Плодъ
овога посѣштенїя показуе намъ Закхей Мираръ го-
ворећи: Господи, ево половину имѣнїя моего даемъ убо-
гимъ, и ако самъ кога учемъ обидію и туђе присво-
їю, четирикратно отдати ѣу. Но Фарисей, кои себе за
свеца почитуе и држи, неће никадѣ къ овакомъ по-
каянїю доћи. Некѣде чуемо шта е онѣ говорїю: Боже
благодаримъ те, што нисамъ као и остали люди! я
постимъ двапутѣ у неделѣи. Гледай памети! гледай
говореня! пости човекъ двапутѣ у неделѣи! Пости ти
ако ћешъ сву неделю, ко те пита? пости ако ти се
мили, докѣ си годѣ живѣ, и докѣ се одѣ тежке су-
воедице у скакавца не претворишѣ, съ тимъ нећешъ,
небойсе, ни єдне заповеди Божїе испунити; ни най-

манѣгъ коме добра учинити. Ако ти родителъ твоє не почитуешъ, и у старости не приранюешъ, ако ти правду не любишъ, и у обществу дужности твоє не изпълнявашъ, ако ти светъ истине ненавидишъ и сакривашъ, и просвѣщеніе разума гасишъ и помрачавашъ, ти си неваляо човекъ. Ако ли іошть савише слаба и немоѣна удручавашъ, име и поштенъ ближнѣга твога съ клеветнимъ ѳзикомъ оцрнявашъ, сироту и удовину цвелишъ и озлоблявашъ, туѣ трудъ и муку подъ коимъ либо неправеднимъ извѣтомъ желишъ и присвоявашъ, ти си са свимъ твоимъ постомъ и бледнѣомъ рѣа и обешеникъ. Идите и научите се, вели намъ премудри нашъ законодавацъ, милости ходу а не жертве, то вамъ заповедамъ, да любите другъ друга; Богъ є любовь и ко у любви пребива, у Богу пребива, и Богъ у нѣму. Изъ свега овога види се, да сва Евангелска наука у любви заключава се. Први знакъ и печатъ по комъ се познає да є Евангеліє одъ Бога, ние ништа друго, него коя у нѣму царствує любовь; на исти начинъ, по овой истой любви познає се, ко є Христовъ Ученикъ прави, сирєчь ко жели совершенство и благополучіє ближнѣга свога, како годъ свое, томе се радує и отомъ колико више настои.

О ви благополучни синови и кѣри човѣческаго рода, кои на царски престоли седите, могуѣство и начинъ благополучіє света узроковати имати! Тисящекратно є веѣе благополучіє ваше, кадъ вамъ у човѣколюбнимъ прсима Антонинска и Титска срца бію, и любовію не само къ подданимъ вашимъ, но къ цѣлому човѣческому роду разпаляваю. Непрестайте тру-

дити се, богоданну слободу ума и просвештеніе разу-
ма међу люде уводећи, и таму и мракъ варварства,
глупости, суєвѣрія и невѣжества изгонећи, на овај
ће начинъ ваша имена безсмртна остати, ваша ће
слава вѣчна бити, паметь и воспоминаніе ваше бити
ће пречестно и сладко далекимъ вѣковомъ. Благо-
родна срца последњи, чрезъ ваше премудре уредбе
просвештени родова би ћеду олтари ваши, на којима
ће вамъ се приносити вѣчне благодарности и похва-
ле жертва.

Не кайсе добро чинеѣи.

Разумна наши стари пословица! кою самъ юште у дѣтињству чуо и кою свагда памтеѣи, све ми е обеѣанѣ совѣте здравога разума на обштемѣ дїялекту моего рода издати, на срцу лежало. Почео самъ дакле одъ любви, о овой самъ се толико милой срцу нашему и драгой матерїи упражнявао, едну самоѣну и дугу зимну ноѣѣ прекраѣаваѣи но у исто време старао самъ се што ће се безъ новаца, падала ми е на умъ Димосеенова речъ!

Нема ништа безъ новаца;

мени више неби требало него да штампатора платимъ, но таманъ овай ти ми е био гордїевъ узао, вртили су ми се по мозгу, башъ као прираслой девојци удая, неки изъ Н., кои би ласно на овай посао око петдесетъ дуката могли потрошити, а да се не стидимъ, казао бы, да самъ се одъ туда нечему и надао и радовао самъ се као сека сватовима; но изчезну ти сва моя мечтанїя и очекиванѣ, кадъ чуемъ да су се они исти у велики трошакъ увезли, зидаѣи предъ едномъ црквомъ две звонаре: Ето ти веруй садъ у надежду, помислю самъ у себи, докъ се звонаре сазидаю и звона купе и наместе, оѣе се томе времена! Свакояки

обичая на свету! валя заръ неки люди да мисле, да
ће Богу већи атаръ съ две звонаре него съ єдномъ
учинити, или да ће имъ деца паметніа постати у две
звонаре заблєвајући се. Прво мисле зашто кадъ
годъ што таково зидаю, нимало не двоуме да то на
славу Божию не чине, баремъ да рекну: што би зи-
дари кадъ се неби зидало? На ово неби имъ се има-
ло шта одговорити, имали би одъ части право. Но
кадъ би се само за атаръ зидаромъ зидало, неби кри-
во било промислити и разсудити, да и штампари уста
имаю коя ишту ести, да е већ доста тога стараня
за гоге и магоге, за куле и клисуре, и да би већ
време било по проразпитати се, што чине братъ
нашъ разумъ, и сестра паметъ? Неби ли се и за нѣ
што добро могло сазидати? и кои су нѣгови зидари?
Чиними се (ако се не варамъ) да би овомъ путаньомъ
управъ къ штампаторомъ дошли. Да што (чуемъ не-
кога отудъ), заръ би ти хотео да се више не зидаю
звонаре и торонѣи? и ко те за то пита? не тако при-
яче! неби я то са свимъ хотео, и наѣиће се у толи-
комъ вилаету, ко ће радъ, и непитајући, мнѣніе и
саветъ другога чути, и ако види и позна да има у
нѣму соли, радо ће га примити. Бити ће и у напре-
дакъ села и градова, гди ће се братія наша совѣто-
вати, на што ће црковне новце, милостиню боголю-
бивого общества употребити; онима е полезно ово
представлѣніе учинити.

Зиданъ звонара и тороня служи на украшеніе
єдногъ мѣста, села или града, а здравій намъ ра-
зумъ каже, да за оно найпре старати се надлежи, што
е на већу потребу и ползу общества, пакъ после о-

вога, за оно што е на украшеніе цркве, села или града. Я нигде толико тороня нисамъ видіо колико у Цариграду, на кою се годъ страну окренешъ, видишъ силу божію превисоки, прекрасни царски тороня; но кажи ми, ако ће ко одъ ютра до мрака у нѣи заблѣнутъ стояти, оће ли зрно проса више памети достати? Само ти се каже. Добро дакле, я нити оћу, нити ми е могуће овде безчисленне, премудро списане Инглезке, Французске и Немецке кнѣиге напоминати, него само, одъ све неволѣ, да имъ ко преведе на нѣиовъ езикъ *Жилъ Блаза* или *Донъ Кижоша*, више би се нѣиовъ разумъ просветіо, и нѣиовомъ совршенству и благополучію вишій би се придобитакъ и приростакъ учиніо, него да имъ се сви носови у торонѣ претворе и преобрате. Зато, ево моє мнѣніе и совѣтъ: болѣ е много єдну наметну и полезну кнѣигу, съ коликимъ му драго трошкомъ, дати да се на нашъ езикъ преведе и наштампа, него дванаестъ звонара сазидати, и у све нѣи велика звона поизвешати. Зрно памети неће се деци нашої придодати, ако ће имъ довека звона лупати. Пишу неки историци, да су се Турци у обсѣданію Цариграда ужаснули и уплашили, кадъ су сва звона у Цариграду почела лупати; право пишу! тако су се препали били и изумили, да нису знали кудъ ће побећи и сакрити се, него башъ у свету Софію: ништа зато, доста да су се Турци уплашили, а кудъ су побегли некъ су побегли, о томъ нѣи говореня! Свемогућій Творче! какова е бѣдна стваръ глупо суєвѣріе! пише све и вѣрує све, наопако и наузнако! и такове се ствари услађава слушати, коє га у некакову ужасъ мећу, и одъ данъ до данъ у ду-

блю простоте и неразсудія пропасть стровалаваю! кнѣиге браћо моя, кнѣиге! а не звона и прапорце; кнѣиге! предрагій и непрецѣнѣнїй небеснїй даръ просвѣштени умова, поносите кѣери! оне садъ на земљи и на мору царствую, и премудре законе даю! оне воую и побѣђаваю! оне, славу благополучни народа до сами звѣзда подижу и преузвишаваю! Но може ми ко на ово одговорити: мы за садъ немамо такови, кое би вредно било штампати, и нема ко преводити, а новци црковни леже залуду. На ово могло би се ласно возраженїе учинити и доказати, да би се довольно персона нашло, кои би избране кнѣиге съ немецкогъ ѣзика преводити могли, кадъ би само свою користъ у тому познали: но нека за садъ допустимо, да е банъ тако, опетъ има се на што болъ трошити, него на звонаре. Прво, валя избрати изъ общества неколико младића, добронаравни, склонни къ науци и оштроумни, два или три или више, по могућству общества, и послати їи съ обштимъ трошкомъ да се уче, кои кадъ се добро изуче, би ће у истомъ обштемъ магистери и учительи дѣце, и преводиће и саставляти кнѣиге. А докъ се они уче, ми ћемо овде зидати. Шта, торонъ? ухъ! давишь ме чисто съ твои тороньи! нїе томе їошь време. Найпре ћемо сазидати две комодне и красне школе; едну за мушку децу, а другу за девойке. Хо! хо! Оћешъ и девойке да се учете здраво оћу, како годъ и мужескїй полъ. Некъ се неузда еданъ народъ никадъ довека къ просвѣштенїю разума доћи, у коему жене у простоти и варварству остаю. Премудрїй и добродѣтелнїй Сократъ за похвалу е свою почитовао, ученикомъ мудре Аспазїе нази-

вати се. Она безсмертна Инглезка Кралъица, славна Елисаветъ, четрдесетъ и петъ годишньимъ премудримъ кралѣвства свога правлѣніемъ, показала е цѣлому свѣту да жене добровоспитане и просвѣштене духъ и срце, нимало не различествуе одъ мужескога и хероическога. Знаменитій римскій Папа, *Сикстъ четій*, ни мало ніе сумняо, ню исту Хенрику великому и себи приуподобити, називлюћи е *gran serwello*, великій мозакъ. Ово е еданъ примѣръ одъ две стотине година; но ми видимо у садашнѣ наше блажено време, што іоштъ ніе никадъ било нити се е чуло, лице земно преображава се на болъ! Правично велика *Екатерина* називлѣ се *друга*, ерѣ нъойзи другой после прве матере наше пристои по превозходителству, оно Божіе изреченіе: *Та естѣ мои живущіи на земли.*

Кадъ е Богъ опредѣлю време,
Да се скруши турске силе бремя.
Вѣчна кадъ е изволила воля,
Да с' умали на свѣту неволя;
Да се девойке за арачѣ недаю,
Нити турбомъ у робство продаю.
Да Нева да законе Кубану,
И преднише предѣле Султану.
Да изчезне изъ Европе куга,
И варварство, и глупость и туга;
Погледа Богъ съ небесни висина,
И рече Богъ: *Да будешъ Екатерина!*
Ко *Нъой* може друго Име дати,
Него рода човеческогъ *Маша*?

Ове дакле наше мале девойчице, нинашто друго нису рођене него да съ временомъ матере постану, кое, кадъ просвештене буду, коя надежда общтега свенароднѣга просвештенія! Зато одъ пете године возраста до дванаесте, свакій данъ, кромъ неделъ, два часа пре подне а два после подне у школи валя да проведу. Историю, Географію, Логику и Наравоучителну Філософію добро валя да изуче. Исторія ће и научити, шта се е пре насъ и до садъ на земљи случило. Географія даће имъ познати савъ кругъ землѣ, на коіой живимо, кои народи на земљи живе, и какви су нѣгови обичаи, закони и правлѣнія. Логика ће имъ показати путъ и начинъ, да умеду о свачемъ право и разумно мислити и разсуждавати. Наравоучителна Філософія отвориће имъ очи да виде и сазнаду, шта су дужне исполнявати, како кѣри, како супруге, матере и домостроителнице; показаће имъ у исто време, шта валя чинити, и чега се чувати и укланяти, за угодити Богу и людма, и за провести мирно и добродѣтелно животъ свой на свету. Ове се све ствари врло ласно, съ помоћу доброгъ Учителя, за четири или за петъ година савршено могу изучити; кадъ се буду предавати и учити на своемъ матернѣмъ езику. Нега садъ свакъ себи представи, какво би благополучіе было, имати такове кѣри, супруге и матере! Близу школе валя да сазидамо комодне долове за Учителъ и служителъ школске и за неколико добронаравни и остроумни младића, кои ће се воспитавати и учити съ индивеніемъ общества а по томъ пошляти у веће школе. На ови начинъ, у едно петнаестъ или двадесетъ година

имаћемо ко ће намъ учити синове и кћери, и преводити полезне књиге просвештени народа. Оће се овомъ послу неколико година, ерѣ учени люди не постаю брзо као печурке по ледици. Има ли јошѣ новаца? има. Но дайте ии овамо, пакѣ не брините се. Садѣ валя да сазидамо едну болницу, или оспиталь, и кодѣ нѣга да начинимо едну велику ограду, у којой ћемо насадити многе редове лица, кестеня и растовина, гди ће се немоћни наши у лето шетати и прохлађивати. Ево зданія и иждивенія и прехвална и сасвимѣ любви евангелской и здравому разуму согласна! Садѣ колико годѣ више претиче. новаца на часть вамѣ, нећу више ни грешльике, зидайте садѣ торонѣ и све што е на украшеніе цркве и града. Кадѣ се другій путѣ састанемо, казаћу да школа потребуе едну библиотеку; али за садѣ нека стои, ерѣ ко много у еданѣ ма иште, врати се съ празномѣ торбомѣ. Сва ова размишльнія узроковала е у мени наша пословица: *не кай се добро чинѣи*, шта самѣ мислю, то самѣ и писао, не будући кадарѣ што друго учинити. Било е већѣ по поноћи, легао самѣ спавати, шта ми се е сутрашній данѣ случило, садѣ ћу описати, зашто би мучно ко самѣ погодіо, да му я не кажемѣ.

На 1784 Януара 12. Назначуемѣ годину и данѣ месеца, за показати онима, кои буду съ временомѣ ова моя списанія читати, да ми е овый данѣ весео и радостанѣ у животу моемѣ био. При освитку дневному чуемѣ да неко предѣ моіомѣ собомѣ каже слушкиньи, да се наоди едно писмо на ме у Типографіи Брайткопфовой. Я одѣ довольно времена нисамѣ у

реченой Типографіи био изъ узрока , незнаюћи како ће прва часть мои приключенія примљена бити, и оћу ли одкудъ какву помоћ имати , нисамъ се поуздао што више на штампу издавати , боѣћи се да се не нађемъ у тесноћи , не имаюћи съ чимъ Немцемъ платити, било ми е негде у торби јоштъ око педесетъ дуката, но ове самъ радъ био заштедити, да съ њима идуће есени у Паризъ пођемъ, да се тога чуда нагледамъ, како Французи, люди као и остали люди безъ перя, пакъ као виле по воздуху лете? Како ти чуемъ за писмо, поитимъ за узети га; но пре него къ њму дођемъ, валя ми јавити, како самъ се овога благополучія сподобио. По савршенію мое књижице, коју самъ чиніо наштампати у триста екземплара, наодио самъ се у недоумѣнію, што ћу садъ съ њима. Овде у Лайпсикъ одъ Србаля нико живъ не долази. Умоліо самъ неке купце изъ Молдавіе , да понесу по неколико и оставе у Бечу, Араду и Темишвару, кудъ имъ е био путъ; метнуо самъ на њи адресе , да се разашлю кое комъ кога самъ познавао, у Осѣкъ, Нови Садъ и Трієсть, и овако едва самъ распачао око педесетъ; остану сви други. Я не само за њи неби плаће искао, него би и зачаліо ономъ ко би њи понео у она мѣста, гди се нашъ езикъ говори; знамъ добро да би се многи нашли, кои би њи радо читали; не одричемъ се, да се неби гди ко намѣріо, кои би ми и коју укорицу пришіо, но ништа зато. Я, у све време писаня мога, Темистоклеву речъ нимало нисамъ съ ума сметао: *Слушай само, пакъ ако ћешъ и удари.* Колико пута малено дете уѣде сису , коя га дои? но прашта му се еръ не зна. Колико су викали на ону

Сократску душу Ерасма Ротеродама, и свои и туђи! Више него на куряка, но шта е било? они кои су викали као сове на сунце, нестало имъ е трага и имена, а Еразмова слава за нѣгову любовъ къ исти-ни расти и растиће до вѣка. Може ли га ко у руке узети, да га къ прсима не пригрли? и да га своимъ просветителѣмъ не назове? Божія е првородна кћи истина, ко ню неби чистоеречно любіо? да самъ имао по комъ ове наштампане књиге разаслати, мучно би остао съ миромъ мой завежай у торби, башъ ако би знао никадъ Париза не видити. Шта човекъ неће прегорети, за препоручити име свое и осведочити любовъ свою далекимъ родовомъ? О овомъ мислећи и старајући се нао ми е на умъ еданъ Россійскіи Офи-циръ, родомъ Србинъ. У оно време кадъ самъ имао честь познати га у Презбургу, био е Полковникъ, Рос-сійске Императрице Флигель-Адютантъ, и Светоста-ниславскога Ордена Кавалеръ, Благородни Господинъ Давидъ Гавриловићъ Нарандићъ, нѣму самъ радъ био послати кои егземпларъ. За нѣга самъ разпитивао неке изъ беле Руссіе трговце, ови нису ме могли са-вршено извѣстити, гди се садъ наоди; по по начувению само, рекли су ми да ће бити у новоподданимъ по-бѣдоносному велике *Цесарице* скиптру државама. По-ђи га садъ тражи, (рекао самъ) по Кавкаскимъ го-рамъ! гди су доброга Промитеа распели. Благополучне землѣ! кое се садъ наодите подъ високомогућимъ Скиптромъ *Велике Екашерине Вшоре*. Неће се више ваше прекрасне кѣри за арачъ узимати, нити варва-рима продавати. Кажу ми исти купци, да братъ ре-ченогъ Офицера, Ихъ Екселенція, Господинъ Симеонъ

Зорићъ Наранчићъ находи се у бѣлой Россіи, на своимъ добрама и по срећи ови исти купци били су изъ нѣгова града Шклова; молио самъ њи да му понесу два или три егземплара, нити самъ се усудио писати. Чинило ми се нека продрзљивость не познатъ будући, едномъ великомъ Господину за такову багателу писати, и идући къ трговцемъ, неколико пута хтео самъ да се вратимъ съ књижицама, крепко боѣи се да што непристойно не учинимъ. Нити самъ могао не страшити се, не познавајући њишъ нѣгово прекрасно и велико срце.

Време е да дођемъ къ моемъ писму. Сматрао самъ га позадуго, упазимъ на печату неке особите знаке, хероическа оружја и кавалеріе. Гледамъ опетъ адресъ, на мене, платимъ за пошту, и зафалимъ ономъ кои ми га преда, пакъ поитимъ на мой квартиръ, да га на само и натенану отворимъ, и да видимъ одъ кога е и шта оѣе самномъ. Найпре ми полете очи на подписъ. Ха Зорићъ! Зорићъ! прилепио самъ га къ устнама моимъ, и налюбивши га се ситъ, хтео самъ видити шта ми пише. Овде заистонисамъ кадаръ описати сладостна чувствованія срца мога. Одъ велике радости, сладке изъ очію извирале су ми каплѣ. Какво благородно срце! Какова прекрасна и царска душа! Никадъ нисамъ болъ него садъ познао сву истину ови Еврипидови речій: Силни характеръ и знаменити у людма, да се ко добаръ роди.

Свака нѣгова речъ и врста медоточномъ сладостию напуњавале су ме. Пише ми да е приміо моя четири егземплара, и зафалюе ми што самъ му ѡи

послао, похваљуе ме и явля, да е съ великимъ задовољствомъ читао списаніе мое. Съ неописаномъ добротомъ и великодушіемъ обећава ми благонаклонство и любовъ свою, ако би кадъ къ нѣму дошао, изволява да му пишемъ, есамъ ли іошть у Лайпсику, да ми може оказати знаке благопріязности свое. Єдинимъ словомъ, у свемъ моемъ животу нити самъ овако радостно писмо примію, нити самъ кадъ радостніи био. И толико више самъ се радовао, колико, ово благополучіе за обште, све Србске юности, кои се буду учити и на своемъ діалекту писати, вменявао самъ. Свима самъ овой моіой подобну срећу честитао говорећи: любите Мусе и Граціе, о Србски младићи! поштуйте сестре Аполонове! тежите и паштите се къ врху Парнаса; онде васъ ваши Меценати чекаю, кои ће васъ подъ покровъ крила свои примити, и коима ће те и ви као я садъ у пресладкомъ изступлѣнію срца съ Ораціемъ воскликнути:

О и обрано и сладка дико моя!

Овде ми се е осведочила сва истина наше половице: *Чини добро не кай се.* Любко благонадеждія пролеће оживило е у прсима моима. Овакогъ благодѣтеля имаюћи, шта се я имамъ старати? Тай исти данъ пошао самъ къ Типографу, дао самъ мое Сочиненіе о любви да се наштампа, и слѣдоваћу издаваюћи што будемъ преводити и саставляти. Ако самъ и кадъ желію, да што добро и полезно сложимъ и напишемъ, садъ найвише желимъ, зашто би радъ то исто моего милостивого Патрона славномъ Имену поклонити и посветити, да познаду и памте одъ рода

въ родъ наши потомци онога, кои ии е найвише любію и ньюву ползу желію, и съ срдечномъ благодарностію да споминю славно Име *Симеона Зориѣа Наранѣа*. Любавъ нѣгова къ отечеству свои благородни прародителя и къ свомъ сродномъ народу, достойна е свагдашнѣгъ воспоминанія и благодарности; што годъ у напредакъ на штампѹ издамъ, онъ ѣе томе узрокъ бити, кои ме е подкрепію и облагодѣждію; и да ко не помисли, да я найманъ што (ко зна съ каковимъ намѣреніемъ) къ самой ствари и истини придодаемъ: ево прилажемъ исто о коме е речъ писмо. Ко га буде читати, видиѣе, да е ко одъ наши *Неманиѣа* живъ, би ли могао съ великолѣпніимъ и благодатніимъ царекодушіемъ писати.

П и с м о

Ихъ Екселенціе Господина Генералъ Маіора, и
разныхъ Орденѣвъ Кавалера, Господина
СИМЕОНА ЗОРИЧА.

Изъ Шклова 30 Новемб.
1783.

Пречестни Оче!

Примію самъ четири егземплара Ваше кнѣиге, послате
чрезъ жителѣ моего Града, за кое вамъ врло зафа-
люемъ. Наодеѣи у нѣой таковъ чисти стилусъ езика
наше миле націе, тако ясно и полезно нравѣученіе, я
самъ е читаю съ толикимъ задовѣльствіемъ, што вамъ
не могу за доста изреѣи, колико ми е драго што сте
ми е послали. Вѣруйте ми да би сте ме іошть ви-
ше обвезали, када би сте сами овамо дошли; онда би
я имаю радость показатъ Вамъ, колико я умемъ пош-
товати люде вашего разума. Ако е ово Ваше намѣ-
реніе, будите увѣрени, да неѣете ништа крозь то из-
губити; ако ли ніе, тако молимъ Васъ, отпишите ми
наискоріе, колико ѣе те се времена и гдѣ бавити, да
могу имати средство доказатъ Вамъ и тамо мою за-
фалность; съ овимъ остаемъ са савршенимъ почита-
ніемъ

Вашъ

покорни слуга,
Зоричъ.

О Д Г О В О Р Ъ.

ВАША ЕКСЕЛЕНЦІА,

МИЛОСТИВѢЙШІЙ ПАТРОНЪ!

Ваше премилостиво, съ толикомъ великодушномъ благосклонностію къ мени Новембра 3-га одпуштено писаніе, данасъ Іануаріа 12-га (по нашему) примихъ. Не знамъ гди е толико времена сакривено стаяло, и моему одговору толико закоснѣніа узроковало. А да право кажемъ; я нити самъ у моему животу до садъ овако великодушно и благодатно писмо примію, нити самъ се кадъ надао дочекати, слѣдователно нити самъ се кадъ нашао у овакой сметњи. Гди ѣу я наѣи пристойни изреченія, съ коима би могао представити, баремъ неку часть чувствованія, коя мое благодарно срце преизобилномъ Вашомъ добротомъ удручаваю? Самимъ природно благороднимъ срцамъ, и високимъ царскимъ душамъ свойственно е, мали даракъ сиромашка землѣдѣла и убога селянина, прегршъ ладне воде изъ близу текуће рѣке по мѣри усердіа цѣнити, и драгovolьно и благопріятно примити, не сматраюѣи ни мало да е воде найвише на свету. Милостивій мой Господине, да самъ свободанъ, на мѣсто овога моего писанія, самога би себе на пошту дао, и крила би желію да колико пре, предъ ногамъ славного *Мецене* моего, за тако милостиво и царскодушно писмо, не само да благодаримъ, него, ако би се икако могло, савъ у благодарность да се преобразимъ и претворимъ. А што би чинію, кадъ би и дошао? Нити би Вамъ знао

шта рећи, нити би умео уста отворити, но топле сузе изъ очію мои, за мене би говори́ле и би Васъ увѣрили, колика є и какова моя благодарность. Сама чиста древнѣйшаго сръбскаго благородства кровь, коя у у Вами тече, и преузвишеній Вашъ духъ, найве́и́й неба даръ, безсмертія достойни людій, кои Ваше чело́вѣколюбне витежке прси оживлява, и сладкомъ срдечно́мъ любовію ко отечеству и роду благородни Ваши прародителя одушевлява; за дати дерзновеніе, дати слободу и срце молодой іоште неискусной и боязливой сръбской Муси, дикти́рали су Вашему перу, едно тако благодарно, великодушно и царскосрдечно писмо, за кою високу милость, нисамъ кадаръ довольно благодарити. Обаче съ горѣ́имъ припознанствомъ умилѣ́на благодарность срца, памти́ху є и чувствовати докъ самъ годъ живъ. По за́ктеванію ваше Екселенціе явля́мъ, да самъ обвезанъ како надзиратель при два млади́на изъ Молдавіе до месеца Августа иду́ћега овде у Лайпсигу пребивати, потомъ жели́мъ, ако ми могу́ће буде, по́хи видити Пари́зъ и Лондо́нъ. Но сврхъ сѣ́ега, себе би за благополучна вменявао подъ криломъ и у милости мени тако благоскло́на Патрона и Благодарителя савъ живо́тъ мой провести, за кое и препоручу́ю́и себе всегдашньої високой милости Вашей, остаю,

ВАШЕ ЕКСЕЛЕНЦІЕ,

Мое́га Высоко́милостивѣ́йше́га

ПАТРО́НА,

У Лайпсигу 12. Іануар. 1784.

Смирѣ́нѣ́йшій и все́поданѣ́йшій
слуга

ДОСИѢ́Й ОБРА́ДОВИЧЪ,

СТИХИ.

На писмо Ђго Высокопревосходительства, Господина Генералъ Мајора и разнихъ Орденовъ Кавалера, Влагороднога Господина
СИМЕОНА ГАВРИЛОВИЧА ЗОРИЧА.

Некъ се фали Іасонъ съ златнымъ руномъ,
Моголскій Царъ съ многоцѣномъ Круномъ:
Некъ лети Орао у небесне стране,
Зелена ела нека шири граде;
Некъ се выси кедаръ на Ливану,
И поноси Везиръ на дивану;
Комъ е мило винце, нека шіе,
Нека пѣва и у тамбуре біе!
Не завидимъ, на часть свакомъ свое:
Моя е сва слава, Писмо ТВОЕ,
О славна крви Србска племенита,
И витежка Дико поносита!
Плива срце мое у сладости,
Играю ми прси одъ радости;
Роса тако не пада на цвеће,
Кою зора носи у пролеће:
Хибалскій медъ пчеламъ ніе дражій;
Ни већма Алфей Ареѳусу тражи;
Любкохладна Зефирова крила,
У средъ лета нису тако мила:
Као е мени была књига ТВОЯ,
О ЗОРИЧУ, Дико и Обрано моя!

ПРАВО РЕЦИ НА ГЛЕДАЙ ТЕ УТЕЦИ.

Башъ ти се ово мени случило! Овы дана дође ми одъ некудъ едно писмо, пуно вике и укора; и што є іоштъ смешніє, претнѣ! Нариче ме да самъ плотскій, и да, плотска мударствуємъ; питаме, ко самъ я, те узимамъ некій учительскій тонъ, и ко ми є дао ову власть? Представля ми да є то моя гордость, толико зановетати и напominяти, да валя мислити, и да су люди одъ кадъ є светъ и векъ, све мислили, нити имъ є потреба била, да имъ я топрвѣ кажемъ да валя мислити. Гди є ко икада чуо и видіо, да живи люди не мисле? да люди, не само будни но и успавати, све мисле и саяю; да ће пре земля престати траву прозябавати, него умъ човеческій мыслии раѣати. Хоће да му кажемъ, што су ми постови и дуге молитве на путу, што ли ми сметаю, те самъ се на нѣи ополчіо и подигао? Зактева, да се већъ дамъ яснѣ разумети, коя су та злоупотребленія, на коя толику буну подижемъ; опоминѣ ме да назимъ добро, да подковаваюћи суєвѣріє не обалимъ правовѣріє; каже ми да и осимъ мене у Націи нашої има учени люди, кои, кадъ счепаю противъ мене перо, угріаће ми уши. Найпосле заключава писмо придодаваюћи, да залуду арчимъ новце, да ако љу пући као неначетъ кес-

тенъ у жеравици, нећу ни одну едину баку на мою страну придобити, въ прочемъ остае желећи ми у на-предакъ болю наметъ.

На овако писмо дужность е моя била одговори-ти, ербо колико више можемо, дужни смо чувати се, да другима наймањи поводъ, о нами зло мислити не дамо. Ако ли се кадъ случи, да когодъ неимаюћи пра-во, о нами зло мисли и злослови насъ, ми смо дуж-ни показати свету нашу невиность, пакъ въ прочемъ безбрижно и спокойно пребивати; данъ по данъ, до-ћи ће и Видовъ данъ. Кое годъ настаяо людма, сврхъ неки погрешака, очи отворити и необиновенно прав-ду говорећи истину показати, нїе свима могао угоди-ти. Много е людїй, свакояки међу нѣима ћудїй! Раз-лична воспитанїя, различна намѣренїя и склоненїя! Свакояки интереси и обичаи! ко ће све сравнити, сло-жити и уредити? Великій Царъ Петаръ едва би крозъ толике старе обичае и укоренѣне завичае пробїо и на край изишао. Еданъ богатъ човекъ доведе едногъ маторогъ сина къ Аристипу, питаюћи га шта ће му искати, да га добро научи. Лако ћемо зато одговори фїлософъ; али ћемо се мучно погодити да га одучимъ одъ свега што е досадъ научїо; овде лежи чворъ! Оће се посла и времена за преобратити ритъ и ду-браву у нѣиве и ливаде! Колико е мучно само едногъ човека дотле привести, да позна и исповѣда да е имао криво, некамоли еданъ цѣли народъ! Изискујесе томе стотине година, потребна су друга времена, дру-га обстоятелства и нови родови людїй. Има садъ ви-ше одъ дванаестъ стотина година, одъ кадъ су Срб-љи Давора и Коледа за свое Богове имали, пакъ и

данашиный данъ чуѣшъ, одъ Далмаціе до Баната, у усти гдикое старе баке: ай Даворе мили Бого! а да е запиташъ, ко е и шта е тай Даворъ? никадъ до века неѣти знати казати. А игре Коледа я добро памтимъ у Банату: обичавале су се по Божиѣу чрезъ све месоеѣе: млади момци чудно би се некако поизобрачили и вооружали, ишли би одъ куѣе до куѣе, и пѣвали играюћи и скачући: *Колеѣана коледо! Вичше браћо Коледо! скачше момци Коледо, подвикуйше Коледо!* и прочая. Блажене памети господинъ Георгіе Поповичъ, Епископъ Темишварскій, имао е посла докъ е ове игре истребіо, а шта су говорили о нѣму? нашъ е Владика горій одъ Турчина, неда намъ Коледа играти, ни вампире изкопавати. За удивленіе ми е било, кадъ самъ пеке наше обичае у Пелопонесу и прочи острови Архипелага наодио. У очи рождества светого Іоана Предтече нейма куѣе предъ коіомъ се ватра не наложи, пакъ нека бы момци и девойке прескакале, него доѣе и коя бака да прескочи, пакъ пуфъ у средъ ватре. У Албаніи има мѣста, гди су се Албанези у време Амурата второго изтурчили, више одъ триста година, и како се кога нашего свештеника дочепаю, воде га на свое гроблѣ да окади и спомене нѣюве мртве, и мора свештеникъ гласно споминати, Усеина, Мустафу, Алию и прочая, ако му се и неѣе, ерѣ иначе би га здраво изтукли, а кадъ имъ испуни волю, они га лепо часте и обдаре: вичу и проклиню Оце и Дервиши! иишта то не служи. Отацъ умирући заклинѣ сина, да никаква попа не пропусти, докъ му гробъ неокади. Ове самъ неке прикладе напоменуо, за представити какову силу стари обичаи имаю, и много се

пута нађе човекъ на белаю противъ ныи говореѣи. Што е годъ ново чини се простимъ людма необично, ако ће найпаветніе бити. Ако ли се то, јошѣ савише, неки обичая, кои се за свете почитаю, тиче, онда веѣъ нити чекай нити се обзири, ерѣ си имѣ у живацѣ дирнуо. Зато, по вышой части, драго ми е било ово писмо и радостно на нѣга одговарамъ. За неоставити никоме нимало сумѣнія, ако би я найманѣ што противъ православію уводію, нека свакій очита овай мой одговоръ, пакъ ће видити и познати истину, ако му е истина драга.

О Д Г О В О Р Ъ.

ЧЕСТНЫЙ ОЧЕ И БРАТЕ

С Е Р А Ф И М Е

здравствуй!

Теби ће по свой прилици за чудо бити, кадъ чуешъ одъ мене, да самъ се твоѣмъ писму весма обрадовао, и може бити помислиѣшъ да я овако изъ неке притворности пишемъ; но кадъ савѣ мой одговоръ прочиташъ, познати ѣшъ мои речи истину. Я самъ твоѣ писмо съ великимъ вниманіемъ и више него еданути читая, по вишой части, ниси ми могао повольніе писати, ни лепши ми поводъ дати, да ти такове ствари одпишемъ, башъ кое су потребне за

ову мою кнѣжицу, кою издаемъ. Правда, што се ка-
са укорителни речи, много би болѣ учинио, да си ѿ
заштедио, зашто, вѣруй ми брате, предъ паметнимъ
людма неће ти никаква поштена донети; а претња е
сасвимъ излишна за едногъ, кои се е не бои. Самъ
разсуди, чега би се могао еданъ човекъ плашити и
страшити, кои нема ништа шта би му ко отети мо-
гао, и кои гди се годъ наоди, поштено и подъ покровомъ
закона грађански живи, кои може у средъ Ита-
ліе и Англіе како годъ у средъ Баната и Далмаціе
препитаніе свое заслужити? кои ништа не жели, не-
го међу красноравнимъ и поштенимъ людма и съ
кнѣигама јоштъ неколико дана свога живота провести,
комъ е сва земля отечество, и сви народи, колико пи-
томіи и благонравни, толико сродни и мили. Исти-
на, да нека сладка симпатіа къ единоплеменимъ на-
шимъ и къ земљи на којој смо произрасли, свагда
намъ на срцу лежи, и као некакавъ магнетъ къ се-
би насъ потеже; и я би весма радо у Паштровићу, у
Чрници, или у Кучи мое оставше дне провести саиз-
волю, кадъ би се могао надати никаква препетствія
не наћи, за учинити сроднимъ моимъ толико колико
би кадаръ био ползе, но ако ништа, ово писмо твое
довольно ми показуе, да неби се могли понагодити,
зато болѣ е изъ далека любити се, него изъ близа
не сносити се и мрзити. Чудна е стваръ, Серафиме
мой! свободно мислити, и сврхъ сваке ствари рассу-
дити и говорити, и кадъ душа наша ову богоданну и
себи природну свободу позна и окуси, никако се и
нипошто већъ поработити не може. Тѣло се да при-
нудити, усилити и у желѣзе савети, а свободни духъ

нипошто. Знамъ да ћешъ ми рећи: мисли ти што ти драго, но не издай на дворъ што ніе за свакога; ніе тако у свему, што е неразумно и зло, неваля ако е могуће ни помислити, или баремъ неваля на соблазанъ и на штету другога на светъ показивати; али самъ разсуди, поштено, разумно и полезно мислити, пакъ за атаръ глупому незнанству и слепомъ суевѣрію не говорити, брата и ближнѣга свога моћи изъ мрачнаго невѣжества извести и просветити, а не хотети, ово е противъ любви не само Евангелске него и обште човеческе! али политика то оће? Хе Серафиме, за политику лицемѣрствовати, и савъ животъ свой лагати! и то кадъ би било за велику потребу и на ползу обшества, нека би; али на штету и срамоту свега човечества, поштено срце неможе овой политики нипошто подлећи; пре отровъ као Сократъ попити, или обшту псовку, поруганіе, плюванъ и саму смртъ како Спаситель нашъ поднети, него такой срамотной политики покорити се. Што ти се чини одъ ови речи? *и ошъ Велможа многи су вѣровали у нѣга, но нису смели исповедати, бояхубося Фарисеи, да не изъ Сопмища изагнани буду.* Ево ти политика! Истину за атаръ човеческу сакривати, и светли разума светъ угашавати, на велику и вѣчну штету доброга и беззлюбивога и за саму простоту и незнанство свое сувернога народа! што мислишъ, зашто су друго Хріста распели и убили? Низашто друго него зато, што е хотео народу очи отворити и показати, кое е чисто правовѣріе кое ли суевѣріе. Што говоре Фарисеи? овай човекъ ніе одъ Бога, зашто суботу не светкуе! А шта чини у суботу? Како, шта чи-

ни? Слепима очи отвара и болестнима здравлѣ дае, ето шта чини. А да шта би валяло чинити у суботу? какво ти е то питањѣ? светковати. До подне у цркви бити, а одъ подне пити; а ко нема зашто нити, а онъ има зашто спавати. Јоштѣ неки кажу, да е едной жени Самарјанской говоріо, да ће доћи време, да ће се исти Богопоклонци кланяти Богу по свемъ свету, а не у Јерусалиму нити у Самаріи; зато валя нѣга убити! Но я далеко одлазимъ, валя ми на твое писмо одговорити, али пре него къ нѣму дођемъ, допусти ми до ти само јоште едно напоменемъ.

Ти памтишъ добро мое пребиваніе у цѣлой Далмаціи, гди самъ я съ амвона проповѣди говоріо, не само по сели и по манастири, него и по први градови, како у Задру цѣлу годину, овде су ме долазили слушати учени одъ Таліанаца, знашъ како е драго било нашимъ Срблѣмъ Официромъ и прочимъ грађаномъ, чуюћи да ме латински Предикатори фале, а садъ вѣруй ми стидимъ се за нека ондашня говореня. А зашто? Ђдали самъ законъ мой и вѣру изменіо? нисамъ, нити ѣу докъ самъ годъ живъ; но научіо самъ болѣ и разумніе сврхъ мога закона и вѣре мислити и судити. Књиге учени люди дале су ми способъ, правовѣріе одъ суевѣрія разпознати и чисто Евангелско ученіе одъ човечески свакояки преданія и приподаваня, која су насъ дотле довела, да трпимо конѣ изображене на алтару црковномъ! Невараю ме већъ кое какве шарене бое позлате и виѣшно блистанѣ; познаемъ што е пужно и темелъито, што ли е случайно и излишиѣ, кое е право и внутренѣ богочестіе и благочестіе, кои ли су виѣшњи обичаи, обреди или-

ти церемоніѣ. Прочитай само овай мой одговоръ съ вниманіемъ и безъ пристрастія, пакъ ћешъ познати, говоримъ ли право. Ево ме дакле къ твоимъ пунктовомъ.

Наричешъ ме да самъ плотски, и да плотска мударствуемъ; радъ би знати, шта подъ овимъ речма разумевашъ, и какво понятіе съ нѣима совокуплявашъ. Послушайде ме да ти я сврхъ ови речи попробеседимъ. Плотски се човекъ зове и плотска мударствуе, овай, кои се нимало, или врло мало, различествуе одъ животинъ; сиречь, кои се низашто друго не стара, него како ће само телесне потребе и зактеваня исполнявати и къ овомъ самомъ намѣреню и концу сва своя движенія и дѣла управля и предузима, нимало не сматраюћи се, како ће словесну часть свою одъ данъ до данъ на веће совершенство довести, разумъ свой просветити, зактеваня и желъ свое у добаръ редъ положити, и духу сирѣчь разуму покорити, кои нити мисли нити оће да зна, да валя срце поболшати, облагорођавати, нарави свое украшавати и не само на самога себе, но и на ближнѣга свога ползу и помоћъ бити, кои себи ни трунка попеченія не задае, за познати и чувствовати што то значи, совесть свою, одъ сви зли и неправедни дѣла чисту и неправедну сачувати, коему никада и недолази на паметъ, да сва створеня са сви страна, кудъ годъ очи окрене, подигне или спусти, да га позивлю къ познанству Великога, Праведнога, Благога, и Премудрога Творца, да га наставляю и уче, како ће умъ свой отъ видимихъ и чувствителнихъ на невидимая и умная возвисити, комъ пристое оне пророческе речи;

Очи има и невиди, уши има и нечуе. Овакови, ако е Християнинъ, онъ е само по случаю Християнинъ. Што годъ вѣруе и твори, изъ самогъ обичая и вѣруе и твори; нити ти онъ мари нити се миче да проразпита, шта е нашъ чловѣколюбни Спаситель учію и заповедію, шта ли су люди на неколико стотина година после нѣга измислили и придодали. Ево ти у мало речи плотски човекъ! о комъ се ништа друго не може рећи, него, родіо се, живіо и умрео, пакъ ту ти му и олуй!

Сада представи самъ себи другога човека, кои нѣ овоме подобанъ, нити е потреба да ти га я на широко описуемъ, само сравнѣніе научиће те штаћешъ о нѣму судити. Као човекъ мора бити плотскій; Нико не мрзи на тѣло свое но рани то и гріе, учи насъ Апостолъ Павель. Дужанъ е човекъ тѣло свое чисто, цѣло и здраво хранити, но у исто време закртеваня тѣлесна умѣрено и благопристойно исполнявајући и разуму покораваяјући, честно и полезно живећи, за просвѣщеніе разума свога и за украшеніе нарави свои свагда старајући се, совршенство колико и свое толико и ближнѣга свога по сили и могућству своме узрокуюћи, дужность свою, или као старшина или као млађій, по чину и званію у коемъ га е небесни промисалъ поставіо, исполнявајући, такови се не зове плотскій но словесни, разумни и еднимъ словомъ поштенъ човекъ.

Питашъ ме, ко самъ я, и ко ми е дао власть учительски тонъ узимати? Између толикогъ множества Србаля хотео е Богъ, да се я родимъ. Словесни човекъ будући, имамъ богоданну и природну власть

другима мисли мое сприобштовати, и што самъ добро и паметно одъ други чуо и научію, другима казивати. У свакомъ народу и обштеству мора бити свакога заната и званія людій, и међу свима њима потребно е крелко соотвѣтствованіе и слога и ніе право еданъ другомъ да рекне: ти ниси одъ потребе. Саде како емо повише рекли, човекъ ніе само плотскій, него и словесни; зато кадъ су потребни толики занати и изобретенія за тѣлесну потребу, достойно е и праведно да се има кои занатъ и за словесность нашу: и толукo е више тога потреба, колико чрезъ само преимушчество разума и словесности, човекъ превозходи сва остала животна, дакле кадъ толики други стараю се и раде за мое различне потребе, едни стое на оружію за мою спокойность, други землю ору, да ми хлеба даду ести; едни ме одеваю и обуваю. а други ми доносе изъ далеки вилаета свакояке потребне ствари. Право е да я съ моимъ занатомъ што за њи уградимъ, да што саставимъ и напишемъ што ће потребно и полезно бити за њіову благороднію часть себе сиречь за срце, словесность и разумомъ. Ово е мой занатъ. Ево ко ми е дао власть! Богъ, кои ми заповеда да мою дужность чинимъ. Ако ли се башъ нађе ко, да неће нипошто да зна за мое писанъ, ти знашъ шта би нашъ Марко Слепацъ у Далмаціи обичавао рећи, кадъ би гди на части пѣвао: Браћо! комъ ніе мое пѣванъ мило, некъ метне прсти у уши, еръ я за његовъ атаръ не прогледа. Али кое лудъ у време ручка прсти у ушима држати? или би ти заръ хтео да я мое кнѣиге као Турци Александрійску библиотеку сажежемъ? нећемо ако Богъ да, одъ турака паметъ учити.

У трећемъ пункту бацашъ ми преко носа гордостъ мою и славолюбіе; и ове су ти мое речи, башъ као муа у носу, да валя мислити. Ево я ћу ти право казати, да ништа друго не желимъ, него да мое име остане у роду моему, и да мило и драго буде; и уздамъ се у праведнога Творца, кои, како сами Срцоведацъ познавајући чистоту и правостъ намѣренія моего то ће ми дати, како е дао и свима, кои безъ свакогъ временногъ интереса и честократно на штету своју, за праву и чисту любовь къ истини, и къ човеческомъ роду, правду су и истину откривали и показивали; али ће то касно бити, ништа зато; колико кашнѣ толико постojаніе мили ће они людма бити, докъ е годъ на свету людій, кои да су безсмртни били, ни нашто друго него на ползу човеческога рода безсмртіе би свое употребили. Неби Богъ уліо у срце мое такову къ сроднимъ моимъ любовь, да ніе и њима любовна и чувствителна срца дао, која за любовь не могу да не любе. Славолюбіе и честолюбіе кадъ се преко мере неправичнымъ и усиловенимъ начиномъ, на вредъ ближњи наши, ишту и траже, онда су зле и не допуштене ствари, а кадъ човекъ умѣренно и разумно крозъ свое праве заслуге и крозъ добро и ползу, коју ближњимъ своимъ доноси, славу и честь и тражи, ово не може бити, разве весма похвално и подражанія достойно дѣло. Одъ самога Бога шта се друго за праведно и добродѣтелно живлѣнѣ чекати може, развѣ вѣчна слава и честь? Представи ти себе такогъ човека, кои нимало за поштено име не мари, можели се што неваляліе и хуђе измислити? Аветъ и слуга мора такови бити а не човекъ. Слуга

и слушкиня поносе се подвижно и вѣрно служећи господарю своему, и достойни су зато похвале. Лежи и лежати ће довека у робству еданъ народъ, когѣ сердце не зна шта е націонални поносъ!

Велишъ да сви люди на свету мисле, и да не-престаю мислити; то говорећи, осведочавашъ да си у овомъ послу мало одъ детета утекао, и да са свимъ не знашъ шта ће рећи, зрело и разумно мислити. Ме-ѡусалевъ вѣкъ да намъ е, јоштъ неби савршили уче-ніе мишлѣня. Сва упражнѣнія и неусипни труди сви учени и премудри люди на свету, нису ништа друго него мишлѣня. Шта су друго толике хіляде хіляда књи-га, него учени люди прекрасне мисли? Сврхъ неко-лико стварій и као дете мислити, и сврхъ сваке ствари зрело и разумно мислити, ту е толико расто-стояніе, колико небо одъ землѣ. Некдѣръ мало о овомъ продиваніи! *мислиши* и *закшесавши*, ово су две спо-собности човекове, изъ кои, све што се у нѣму слу-чава производи, и свако одъ ове две способности раз-делява се на две части. Како дете, тако и највећій простака мисли и мора мислити о свему оному, што му у паметъ чувства пада; види, кадъ се годъ роди сунце, данъ, а кадъ зађе, ноћъ, види да изъ облака иде киша, види шарену дугу, сврхъ свега тога и ми-сли, но шта, и ко мисли? Ево како: мисли да кадъ е данъ, ніе ноћъ, а кадъ е ноћъ ніе данъ; мисли да е киша вода, и да е дуга шарена, чуе грмлявину и по-янъ славуя, и наоди у томъ велику различностъ; раз-познае мирисъ одъ смрада, сладко одъ горкога, и о-сећа зиму и врућину. Послушайде едну малену Исто-рійцу овде врло приличну. Споминѣмъ се, кадъ самъ

у црной Гори био. Владика Василије донео е био изъ Россіе множество књижица, чиними се звау се месечна сочинѣнія. У едной одъ ови читао самъ нешто о дуги, пакъ башъ у еданъ летній данъ, при тихой кишици на чардаку, кажемъ старомъ Владики Сави, шта самъ читао о дуги, а у исто време спрама нами виђяше се прекрасна дуга; алъ етоти одъ некудъ дояа на магарету еданъ Игуманъ, велика людина и преко мѣре брадата. Владика Василије, кои на полакъ нашегъ разговора къ нама дође, како упази Игимана, рече ми: тако ти вѣре Діаконе, упитай овога Игумна, шта е дуга, и зашто е шарена. Я јошгъ нисамъ познао био лукави обичай Владике Василија, кои би свагда радіо међу друге заметути кавгу, само да се има чему сміяти, едва дочекамъ да ми то наложи. Мое несташно срце почне скакати одъ радости, што ѣу метнути у сметню великогъ Игумна. Отворе се врата, етоти Игумна, едва дочекамъ да се поклони Епископомъ и да се посади; изтрчимъ као петао, и начнемъ овако: Оче Игумне, кажи ми молимъ те, шта е дуга, и зашто е шарена? Почео самъ се већъ био осміјавати, како ће се смести и неће ми знати шта одговорити, и едва самъ се одъ већега смея уздржавао. Овай да ти се сметне, неби био прави Црногорацъ. Увати се съ широкомъ шакомъ за безчислену браду, попогледа мало на дугу, пакъ ти превали на ме некакве страшне црне велике очи. Невтонъ би се одъ нѣи препао био, пакъ на мѣсто одговара ово ми питањъ учини. Иг: Видишъ ли ти оно мое магаре? Я: Видимъ али ние моя речъ о нѣму била, гди дуга гди ли магаре? Иг: Знамъ я шта е твоє питањъ, али е потреба да ти преповѣ-

дамъ, да е магаре далеко одъ тебе паметнѣ. Я: Съ каквомъ намѣромъ мѣришъ мою и магареѣу паметъ? радъ би знати. Иг: Слушай пакъ ѣшъ вѣра ти божа знати! оно магаре познае плеву, коя е предъ нѣмъ и ако невѣруешъ, ено гледай како гризе; а ти толикій, не знашъ іошъ шта е дуга? дуга е дуга, нѣ качни обручъ, а питашъ зашто е шарена; та зла ти среѣа, може ли бити дуга да нѣ шарена? или си ти заръ ѣе видіо и чрну? Епископи су мислили пукнути одъ смей, а мени се заврти чардакъ око мене и дуга ми одъ тешке срамоте поцрни предъ очима, гди ме човекъ лело на очигледце сравни, да баремъ коню или волу, не би толико маріо, него управъ магарету. А онъ ти нунъ задовольства кадъ еданъ кадъ другій бркъ засукуе съ таковимъ диченѣмъ, као да Клеопатру на тріумфу носи. Мени е съ овимъ било, башъ као некимъ у Задру латинскимъ Θεологомъ. Ови едномъ чую, да е дошао у градъ некій у свой Далмаціи за свое дишпуге оглашени попъ Муждало, не изгубе ти време, него дођу и обколе га на средъ града, пакъ за посміати му се упитаю га, ко е Мелхиседека родіо? а онъ нѣма: кажите ви мени найпре, ко е мене родіо? киѣе чортъ знати (одговоре Θεологи), ко е тебе родіо? то нигде не стои написато. Пи, срамъ васъ буди, (викне попъ Муждало) бабе у момъ селу паметнѣ су одъ васъ! оне знаду, ко е мене родіо, пакъ оѣете да вамъ я кажемъ, ко е Мелхиседека родіо! Браво! Оче Муждало, повикну сви около стоеѣи; а Θεологи се врате одъ кудъ су и дошли и познаду искуствомъ, да нѣ читавъ посао съ людма одъ друге стране сфере у дишпугѣ пуштати се. А кадъ ти мой Игуманъ

іоштъ унази, какву я кнѣжицу у руку држимъ, съ грађанскимъ словима, каже ми безъ обиновенія и као съ трипода, да ако се я таки кнѣига не оканимъ, да ѣу и то мало што имамъ памети, изиграти. Не видишъ ли (вели ми) да е у нѣой полакъ латински слова, и да е свака кнѣига подъ анаѣемомъ, коя едно едино словце латинско у себи има; каже, да одъ кадъ су такове кнѣиге на светъ произишле, да су люди почели спуже ести: айме црнъ вамъ образъ (подвикне) могаше светъ іоштъ кою стотину година постаяти, да му ви съ такимъ кнѣигама хака не доѣосте!

Сада видишъ Серафиме мой, да Игуманъ црногорацъ нѣе у свему криво имао; зашто да магаре познае плеву, да дуга нѣе качни обручъ, и да е шарена ко може тому противоречити, али се све то не зове мислити ни разсуждавати, него само чувствовати: а разумно и пристойно сврхъ свачега што годъ видимо и што годъ чуемо и осеѣамо, мислити, судити, разсужавати, едно съ другимъ сприлажуѣи разпознавати, и пристойна заключенія одъ туда производити, овде се оѣе много више него чувствовати. Ово е посао ума, памети и разума; ово су три врховне и дѣйствителне силе душе наше; но ове исте силе остаю слабе, дѣтинѣске и замршене, ако се чрезъ дугу науку, упражнѣніе и искусство не размрсе, не просвете и у совершенство не доведу. Земля, лоза, и различна плодovита раѣаю свакояке по роду своме плодове, но дивіе; за припитомити іи, хоѣе се трудъ и майсторія. Тако е изволіо премудри Творацъ за дати човеку посла. Ово исто припитомлѣнѣ найвише е потребно души, уму, срцу и тѣлу нашему. Човекъ да се у планини

роди, и насамо нарасти, мало би различествовао одъ животинѣ. Никаква ѣзика, никаква заната неби знао, на кратко би био безсловесанъ. *Сотвори Богъ* (вели свето Писмо) човека по образу своему и по подобію. Кои е ово образъ Божіи у човеку и подобіе? способна разума и словесности душа. Но ова словесность лежи сакривена и врло замотана у души нашої, ако се чрезъ упражненіе, майсторію и науку не размрси, не препитоми, не просвети и у совршенство не доведе; остае као сребро и злато у земљи, съ непотребнимъ каменѣмъ помешано; а колико се разчишћава, припитомлява и просвештава, толико се више къ сродному, прекрасному и премудрому уму Богу приближава. Ево ти Серафиме, колико на краће мого, представи, шта се зове просто мислити и разумно мислити. Оди садъ да размрсимо втору и више него мислити потребнію способность човеческу, то естъ закевати. И ову валя на две части да поделимо и да покажемо, колика е разность, просто по чувствама закевати, и разумно закевати. Но пре него се у ову крчевину упустимо, дозволи ми да јоштъ еданпутъ споменемъ нашега Марка слепца. Достоянъ е брате, знашъ колико насъ е пута развеселио. Онъ би често рекао: кадъ ми гусле нису по ђуди, волио бы да нисамъ ни слепъ. А нашто то садъ? (рећићешъ) то е ва то, да добро внимашъ, колико на оно што смо рекли, јоштъ више на ово што ћемо рећи; зашто кадъ се што чита гди е потреба внимати безъ вниманія, болъ би било да се и нечита.

Зактевати, желити и хотети, то све на едно излази. Природно е човеку одъ дѣтињства закевати.

Све што му є поћудно и угодно, зактева да му буде; а све што му є неугодно, зактева да му не буде, или-ти отрицателно да речемо, не зактева и неће. Питали су Аристотела, зашто є свакомъ миліе гледати єдну младу, здраву и лепу невесту, него єдну стару и кашляву баку? слепачко питањъ, одговори философъ. Ко не воли слушати славує, него жабе и свраке? Зактевати оно што є пріятно, сладко и мило, ово є само чувствително, човеку и животињи обште зактеванъ, и далеко различно одъ разумнога и само полезнаго и добродѣтелнога зактеваня; изъ коега се рађа сва човекова вредность и достоинство. Ништа друго не зактевати и не хотети, разве што є нужно и потребно къ началному концу и намѣренію, за кои смо одъ Бога создати. Но ове речи потребују неколико изясненія. Неки су мудровали, да є човекъ само за тѣло и за ови времени светъ создатъ и изъ тога су заключа-вали, да све благополучіє и блажевство човеково состоисе у задовольству и наслажденію чувства. А други, хотећи ово мудрованіє као лажно да одметну, упали су у овой подобну будалаштину, учећи сиречь, да є човекъ са овимъ за саму душу и за они светъ создатъ, а да ови времени светъ мора сматрати као туђу и за ништа вещь. Многи су хотели ово последнѣ мудрованіє съ светимъ Писмомъ подупрети, пакъ сматрајући стваръ само съ єдне стране и накриво, толкуюћи и пренадтолкивајућисе поклизнули су у свако-яка човеческому єстеству на преко противна мудрова-нія и одавде су произишли постови, неженидбе, пу-стиничества и одрицанія міра. Истина не може бити истина, ако є у нѣойзи найманъ лажи помешано. Или

мора бити сасвимъ цѣла истина, или лажъ. Никако дакле дргуоаче, разве разумно мислећи, и разсуђавајући, и што естъ, одъ шта ніе распознавајући и раздѣлявајући, можемо къ чистой истини доћи. Ево дакле како валя, здравоме разуму слѣдуюћи, о овима стварма мыслити и мудрствовати.

Созда Богъ човека (вели свето писмо) одъ землѣ; ево тѣлесна часть човека: и дуну у лице нѣгово духъ живота: ево словесна и разумна часть; садъ између ове две части потребно е велико согласіе и слога, за нѣово взаимно сохранѣніе и совершенство. Тело зактева и жели све оно што услаждава нѣгова чувства; а словесный разумъ показуе оно што е полезно и праведно. Слѣдуе, да сва наша захтеваня тѣлесна, коя су разуму, ползи и правди согласна, мораю бити добра, будући да узрокую совершенство, колико тѣла нашего толико и словесности, изъ овога совершенства рађа се добродѣтель, одъ кое зависи све наше вѣчно благополучіе. Безъ временного на овоме свету живота, не може се никако имати вѣчни животъ. Блаженство вѣчности, рађа се изъ разумного и добродѣтельного употребленія временности. *Благослови Богъ човека и рече, расшише се, плодише се, напуняйше землю и владайше нѣомъ.* Све што е годъ овомъ благословенію противно, мора бити проклетство: нема шта друго бити: къ томе, валя іоште и оно да приложимо: човекъ самъ не може на светъ постати, нити живити, нити способности свое къ совершенству привести: потреба е да има ко ће га родити, одранити, научити и къ совершенству наставити; праведно е дакле, исту помоћъ и благодѣяніе кое

е одъ други примію, и онъ другима по могућству сво-
ме да покаже и учини; ерѣ иначе био би Богу и люд-
ма неблагодаранъ, непотребанъ и ништа човекъ. Ево
Серафиме, дођосмо онде гди смо хотели. Видишъ ли
нако идући по трагу, нађе човекъ зеца. Садъ ви-
дишъ и познаешъ, коє начално намѣреніе и послед-
ный конаць, зашто є човекъ одъ Бога створенъ, и да
є дужанъ къ истомъ концу сва своя зактеваня, докъ
є годъ живъ, управляти: сиречъ благополучіе и со-
вршенство колико свое, толико и ближнѣга свога уз-
роковати. Зато су сви закони божествени и грађан-
ски. Све што є овоме концу противно, управъ є бо-
жію волю и здравоме разуму противно, и по томе
се зове неваляло и зло. Разумно и паметно мислити,
ово є прво по реду, зашто ко не уме разумно мисли-
ти, неће умети разумно ни зактевати, неће знати зак-
теванъ одъ зактеваня разпознати, нити болѣ одъ го-
рега предпочести и предизабрати. Но ништа манѣ,
разумно зактевати, премда є фторо по реду, прво є
по цѣни и по достоинству. Зашто, коя є користь ра-
зумно мислити, а не разумно поступати? паметно го-
ворити а лудо радити? Колико людій видимо на све-
ту, кои по говореню рекао би да су праведни Ари-
стиди и добродѣтелни Сократи, а кадъ имъ подъ ко-
жу завиришъ, крстишъ се и чудишъ, шта подъ нѣомъ
лежи! Не редко дає се и ово виденіе на свету упазити,
да ученъ човекъ, вреданъ и много искусанъ, неваля-
ло и неправедно ради и зло живи. Залуду се овай
научію разумно мислити, кадъ ніе хотео зактеваня своя
израна у добаръ редъ поставити и разуму покори-
ти. Зато такови, ако по случаю вино люби, како га

се гди дочепа, опићети се како годъ еданъ кои ни
точке не познае. Коя полза учену бити и вредну, а
имати срце потварено, лукаво преко мѣре, интересира-
то и мрзостно? Пакостна и зла срца човекъ, колико
е вредни и учени, толико би више зла учинио, да му
закони грађански не сметаю и руке не вежу. Има
неки речій, кое, колико се на близо чине, свака одъ
њи особито што значи. На прилику: ученъ и разу-
манъ, праведанъ и добаръ, вреданъ и заслуженъ.
Ученъ е, кои има познанство и искуство многи и раз-
лични ствари. Разуманъ е онай, кои сва закеваня
и дѣла своя разуму слѣдуюћи управля. Праведанъ е,
кои свакомъ свое оставля и дае. Добаръ е, кои у све-
му свою дужность пази и испуњава. Вреданъ е онай,
кои има довольно проицателства, крепости и посто-
янства, мучне послове предузети и совршити. Заслу-
женъ се зове, кои е много више добра обществу учи-
нио, него би се могло одъ нѣга изискивати. Ако до-
бро разсудишь Серафиме брате, ово што смо доведе
рекли, уздамъ се да ти више неће бити као шилакъ
у носу мое речи, да валя разумно мислити. Видишь
колика е разность, одъ просто само по чувствама, до,
по разуму и словесности мислити и закевати. Овде
не могу преминути да не опоменемъ добре родителъ
и учителъ, да дѣци своіой изъ прве младости, разум-
не мисли и мудрованя усѣяваю, и нѣова млада и ла-
косвитка закеваня на добро окрећу и управляю. Мно-
го о томъ зависи што смо изъ прве младости приви-
кли и научили! Ево ме садъ на твоє друге пунктове.
Питашъ ме, што самъ се ополчио на посто, ду-
ге молитве и на млоге светковине, и што ми сметаю

те самъ се противъ нѣи вооружію. Читай свето Евангеліе, пакъ ћешъ видети, што су Спасителю нашему те исте ствари сметале, те е на нѣи викао и Фарисее зато укоравао говорећи; *горе вамъ книжници и фарисеи лицемерни! кои поштомъ поблеђаваше и по-мрчаваше лица ваша, и молише се по сокаци и по улица, да васъ люди виде.* Злоупотребленія, коя су се у оно време съ ови послови чинила, чинесе и данасъ, и ко годъ Христову науку прима, познае и любви, мора на све оно на што е Христосъ мрзіо и викао, мрзити. Двадесетъ и петъ година провео самъ я съ различни нашего закона народи, у Грчкой, Албаніи, Босни, Ерцеговини, Молдавіи, и гди ти годъ драго. Мало не савъ народъ, нипочемъ другомъ не зна да е восточне цркве Христіанинъ, разве по посту и по светковинама. А како посте? Е браћо моя! Богъ све види и чуетъ! правду валя да говоримо! нико другій не пости, разве крайнѣгъ сиромаштва люди и они, кои на неплоднимъ земляма живе, и по неколико месецій у години, кадъ би хлѣба и прое само имали, царске би имъ се трапезе то чиниле. Ови бѣдни, већу часть живота свога посте, али за люту неволю; а они кои имаю различни, што зовемо посни ела, зейтина и вина, никадъ довека не посте (валя знати да я оно за постъ не држимъ, кадъ човекъ не руча, а вечера и за ручакъ и за вечеру; нити оно, кадъ мяса не еде, а нагрува се пасуля и комбоста, те му пуца трбу, и знои му се чело.) Но рећи ћешъ ми Серафиме, што ти то смета? Обичай е стари, нека се држи, ако не учини никаква добра, то су већъ давно и давно разумни люди познали, али ево неволѣ чини

млого зла. Знашъ ти добро да Албанезъ и Црногорацъ убіе човека како годъ дивію козу, пакъ одпости. Браћу, лажу и сваку обиду и неправду уздасе да ће съ запапренимъ пасуљомъ раздувати и као съ громомъ разтерати; нейма смрада и нечистоте, кою се онъ не узда да неће съ киселицомъ и съ сирћетомъ опрати, съ бѣлимъ и цримъ лукомъ разагнати. Кадъ би се постило како божествени Апостолъ Павелъ учи; само за воздржаніе, своевольнo а не силомъ: ко би людъ био на постъ викати? *ко непоси, онога кои поси нека не кори, а ко поси, онога ко непоси нека не осуждава.* Али ко сме садъ Апостола Павла или самога Хріста за свидѣтельство примити? Нама истомъ чуешъ ни петъ ни деветъ, него Луторанъ. Какви смо люди, Серафиме помагај! Хріста преблагота Спасителя и Апостола Павла на очигледце лепо полуторанисмо? Бога вѣчнога и праведнога примамъ за свидѣтеля, да не говоримъ, ни изъ какве злобе ни изъ пристрастія, но срце ме моє боли, коликій поштени и чистосердечни народъ у Далмаціи, Хорватској и Славоніи, еднога народа и езика, и кои у истога *Исуса* Спасителя вѣрує, мрзи се, укорава се, гони се, и еданъ другомъ люту неправду чини! зашто? за постъ, ко пости среду, онъ є *Ркаћъ*, а ко суботу, онъ є *Бунѣвацъ*. Са светковинама бива јоштъ горе; ніє потреба да ти кажемъ, знашъ и самъ шта се чини. У послене дане сви су люди мирни и паметни, одъ јутра до ноћи раде и о свомъ послу настоє; а како светковина, све ти то полуди: до подне у цркви, а после подне у крчмама; и многи поарче на свеца съ чимъ би могли седамъ дана гладну фамилію пре-

ранити; пакъ нека би само то било, но кадъ су сва-
ђе и процеси? о светковинама; кадъ су пїянства и
безчинїя? о светковинама; кадъ братъ на брата но-
же трза? кадъ се крвъ пролива? главе разбіяю и
убїиства чине? о празници и светковинама! ти пам-
тишъ добро попа Маука съ Отона речъ! како ти све-
тацъ алъ мене мой носъ сврби! пакъ шта то значи
Оче Мауче? шта значи? да ћу се тай данъ опити, и
съ кимъ годъ истући. Та не иди човече къ вину
Богъ те видіо! Немашъ памети коликъ едно паче; не-
утера я мой носъ у лажъ! У томъ послу нема надъ
њимъ Вилосова на свету! Колико пути нисамъ я хо-
тео къ вину поћи, алъ дође оно къ мени. Добро, а ти
баремъ ни умѣрено, пакъ се нећешъ опити. Јо, јо!
међеръ си ти са свимъ безъ памети! ко ће вино умѣ-
рено пити? заръ е вино вода? Колико га више пі-
ешъ, толико ти се више жедни, докъ ти се не завр-
ти мозакъ, пакъ онда не знашъ ни шта говоришъ ни
шта чинишъ. А да шта садъ да чинимо (рећићешъ),
да одметнемо poste и светковине, да уништожимо оби-
чае восточне цркве и да новъ законъ уведемо? То
я нити мислимъ нити говоримъ. Прошла су садъ она
фанатическа времена, кадъ е свака немирна глава но-
ве законе измишлявала и излегала! Благодареніе бу-
ди господу Богу и премудримъ Царемъ и владѣтелѣмъ,
садъ е свакъ у свакомъ закону миранъ и слободанъ.
Но валя народу ясно дати да позна, да чисто право-
славїе и православно благочестїе, нимало не состоїсе
у коекакви обичаи; а кадъ јошъ савише ови исти
обичаи, преокрену се на злоупотребленїя, онда су
управъ по кононцу православію и благочестїю против-

ни и срамотни. Зато ко пости, нектъ се чува да никада не укори и не осуди онога, кои или не може, или неће да пости. Уречене посте хранити, то е уредба и преданіе човеческо, а не осуђивати брата свога нити укоравати, ово е управъ заповедъ Божія. Ко годъ мисли да ће преступленіе заповедій Божіи и обиду и неправду учинѣну одпостити, онъ се дебело и безсловесно ошибава, онъ одъ поста злоупотребе-ніе чини и на тай начинъ нѣговъ е постъ прави фари-сейски постъ. Ово се исто може и о светковина-ма рећи. Ко на празникъ совршенство колико свое толико и ближнѣга свога узрокуе, пре ручка Бога слави, а после ручка свето Евангеліе чита, или кое друго дѣло милости исполњава, болнога и у тамници посѣпштава, скорбнога утѣшава, сироти и немоћну руку помоћи дае, нѣгова е светковина блажена, еван-гелска и света; а ко светкуе злословећи и брата сво-га осуђавајући, опияјући се и зло чинећи, нѣгова е светковина идолопоклоническа а не Хрістіјанска. Коя файда уранити рано у цркву, пакъ како изиђешъ предъ врата црковна, гледати комъ ћешъ се поругати, по-смјати и кога ћешъ осудити. На тай начинъ болъ е да и не идешъ у цркву, кадъ изъ цркве больій не излазишъ. Ты си добро познавао она два Божія свеш-теника у Далмаціи, Протопопа Јована Новаковића у Книнскомъ полю, и ону блажену Авраамску душу, По-па Авраама Симића у Косову; знашъ како су они свой народъ светковати учили! како би се литургія свршила, ово би имъ била къ народу речъ. Хрістя-нину е најполезніа светковина, кадъ највише добра учини. Гледайте кои сиромашакъ у селу ніе кадаръ

нъиву свою узорати, посіяти, и пожети, помозите слабой и немоћной браћи, да имъ не остану нъиве не-урађене. И на овай начинъ би се међу онимъ братолюбнимъ и добродѣтельнымъ народомъ, већа часть светковина празновала. Блажени и свети Свештеници, и добри вѣрни Хрїстова стада Пастери, много ли ти сте ви добра у животу вашемъ учинили! Срећне три године младости мое! кое самъ међу онимъ людма провео дечицу нъову учећи: године спокойства и безлобія, никада васъ не могу заборавити! Но о овомъ за садъ доста. Валя да пређемъ на друга твоя, еданъ или два, коя намъ іошть остаю пункта.

Велишъ ми да пазимъ добро, да подкопаваюћи суевѣріе, не обалимъ правовѣріе. Не бой се тога Серафиме ни мало. Може се суевѣріе подкопати и изкоренити, не само, безъ найманѣгъ правовѣрію притрунка и убитка, него іоште на великій успѣхъ и ползу истинога правовѣрія и благочестія. Некъ деръ само пођемо, ногу предъ ногу, съ чистимъ срцемъ истину тражећи, зрави разумъ ће намъ е показати. Рекли смо повише, да истина мора бити сва и у свему истина, или ако е найманѣ у нъой лажи, већъ ти она ніе истина. Што ће мракъ съ сунцемъ, што ли ће лажъ съ истиномъ? Правовѣріе е за истинито и извѣстно свето Евангеліе држати, и ништа не примати што ніе Евангелію, здравоме разуму и ползи обштой согласнo. Баци садъ еданъ погледъ на суевѣріе, пакъ ћешъ се ужаснути, коя е ругоба и грдоба. Суевѣріе по самоме имену показуе се шта е: суєтно, сиречь лудо и неразумно вѣрованѣ. Много вѣровати, свашта вѣровати, одъ страха и плашнѣ вѣровати, то

ти е суевѣріе. Ко се помрчине бои, шта ти онъ не мисли да нейма у помрчини? и што е најсмешніе, бои се онаки стваріи, кое никада нити е видіо нити ће видити. Зашто я на толико мѣста називлѣмъ суевѣріе глупо? ево причина: колико е више еданъ човекъ неразумніи, несмисленіи и глуплѣи, толико е суевѣрніи. Вѣруе сирома Бедакъ, и шта зна и шта незна, и шта е чуо и шта ніе чуо, и колико му е една стваръ плашивія и ужаснія, толико е више и силніе вѣруе; зашто ова стваръ узбуђава у нѣму некаква мрачна но крепка чувствованія, коя онъ колико крепчіе чувствуе, а незна шта, толико іи се више плаши и одъ тежкога страа вѣруе, а ту, гди ко одъ страа и ужаса вѣруе, съ Богомъ већъ памети и разуме! ту ти е већъ съ вама. Питали су едну старицу: боишъ ли се бако Бога? „мой синко! ко се неби зла бояо?“ одговорила е. Е Серафиме брате! Само срце наше кадро е одъ части чувствовати, а нити езикъ може изрећи, нити перо описати, колико е сладка и утѣшителна разумна и просвѣштена вѣра, кадъ е на любви къ Богу и къ цѣлому човеческому роду основата! Вѣруе разуманъ и добродѣтеланъ човекъ да естъ Богъ, и да е савршено добаръ и савршено праведанъ, вѣруе да е словесна душа безсмртна, коя чрезъ свою времену на овомъ свету доброту и правду саединиће се съ ономъ вѣчномъ и блаженомъ добротомъ и правдомъ, сиречь съ Богомъ. Колико е злимъ и неправеднимъ страшна Божія правда, толико е добримъ и праведнимъ сладка и мила. Ко ће марити, ко ли ће се бојати смрти, вѣрујући да е душа безсмртна и вѣчна? ко ли неће съ крайнимъ задо-

вольствомъ и съ неизказаномъ радосту, оно блажено безсмертіе чекати, кадъ му нѣгова чиста и праведна савѣсть сведочи, да у оной безконечной вѣчности, ништа га друго не чека, него вѣчна радость и безконечно блаженство, сирѣчь съ Богомъ саединѣніе? Ово е Евангелска вѣра, разумна, кратка, но сва и савршена. Ову е сладку и утѣшителну вѣру човеколюбиви нашъ Спаситель съ неба людма донео и показао, кое да су се люди држали, никадъ болъ. Сви би православни и сви би добродѣтелни били! али ко ће толикомъ свету паметъ дати? ко ли ће толико чудновити глава сложити? Незна човекъ шта е умѣренность, нити шта му е доста, кадъ вѣруе, онъ оће или много и свашта да вѣруе, или ништа; свакій народъ и езикъ има свое отце и учителъ; ови ти почеше толковати Евангеліе, као да ово безъ нѣовогъ толкованія ништа неби валяло; почеше се изъ почетка дишпутати, пакъ укоравати и псовати; разделише се, проклеше се, анатеми и врагу еданъ другога предадоше и међу братіомъ Хрістіани учини се веће смущеніе, него при Вавилонскомъ тороню, и на мѣсто сладке Евангелске любви, уведе се велика мрзость и вражда, пакъ за учинити да ово раздѣленіе и мрзость остану вѣчне, уведоше различни народи различные обичае и церемоніе; уредише и установише да све правовѣріе и благочестіе у ови обичаи и церемоніама состои се. Зато садъ, предъ суевѣрнимъ очима ништа не служи, ако ће ко свето Евангеліе вѣровати, и ако ће добродѣтеланъ бити како исти Сократъ; ако онъ те и те обичае, церемоніе и светковине не држи, онъ е безбожникъ! шта вели суевѣріе? *шай человекъ*

и бсѣтъ одъ Бога, яко суботи нехранишъ! но буди вѣчна слава и благодареніе благому небесному промислу, кои чрезъ Философію отвара людма очи. Садъ се међу просвѣштенимъ людма не пита ко е восточне, ко ли е западнѣ цркве; но ко е добродѣтеланъ, поштенъ и вреданъ человекъ? Никого законъ нѣговъ неће прославити, но сваки са свои добри дѣли прославля законъ свой. Тако да се просвѣши свѣтъ вашъ предъ человекъ, да виде ваша добра дѣла. Ево права вѣра и законъ! Сврхъ ове матеріе (како самъ видишъ) могло би се више беседити; но и ово мало ко буде съ разсужденіемъ и съ правомъ любовію къ истини прочитати, доста ће му бити, за познати, да сви обичаи и церемоніе безъ любви Евангелске, нису ништа друго него суевѣріе.

А што ми претишъ съ ученимъ людма, ниси нимало погодіо, съ кимъ ћешъ ме улашити. Я се и самъ одзивлѣмъ на судъ учени людій; но само едну едину стваръ одъ нѣи, пре него ми суде, изискуемъ; кою, ако су како подлежи учени, сами ће ми, да е я и неиштемъ, дозволити; сирѣчь, да безъ свакогъ пристрастія изъ саме чисте любви къ истини суде; пакъ ћешъ видити ко ће више добити, ти или я. Я се весьма старамъ за судъ учени, просвѣштени и правдолюбиви людій, и много више него ти мислишъ. И не само они учени кои у наше време живе, него и они, кои ће на много стотина година после насъ жити. Нѣіове Линцейске просвѣштене очи, кое су крозъ седамдесетъ зидова истину кадре упазити, познати ће мое поштено и добро намѣреніе, и ако ми

кою погрешку припишу, знай да ће ова бити; што нисамъ много више противъ ови стварій, противъ кои говоримъ, говоріо; но простиће ми, кадъ разеуде, да при обстоятелствамъ у којима се у садашњъ време наоде они, кое я желимъ да ми читателѣи буду, ово е доста; старога Исіода речъ врло е добра, кои вели:

Познай време! време е у свачемъ најболѣ.

А при томъ и после ће се насъ люди съ леђ-ма рађати, нека и они што понесу. Јоштъ ћу ти едну речъ што се овога тиче рећи; да ништа не остане неречено, ако башъ нађу, да самъ се у чему као човекъ и ошибнуо, они мораће Србски писати, да покажу истомъ народу за кога я пишемъ, која е моя ошибка; то е мени доста, я самъ то и хотео. Хотео си нешто рећи, неначету кестену приуподобљавајући ме, по ништа ниси остроумно рекао; кое сравнѣніе човеку съ кестеномъ? да си баремъ рекао ако ћу пући као чврчакъ пѣвајући; колико толико слагало би се, али ме чврчку ниси смео спреложити, знајући да кадъ стари чврчакъ пукне, изиђу изъ нѣга млади, кои гласніе цвркућу него стари; жалишъ ме што новце, штампалоући кнѣиге, трошимъ! а да јоштъ знашъ, како ти безъ вина ладну воду пијемъ, а нимало томе (но и помагај) ненавикнутъ, више би ме жаліо. Но мени и ово за безсмртіа душе доказателство служи, кадъ е тако желя вѣчности задовольство грклѣна победити кадра. Кажешъ ми управъ да нећу ни едну едину баку на мою страну придобити; одвећъ си жестоко, и чинишъ изреченіа башъ као са сикиромъ. Я све наше старице почитуемъ, кланямъ имъ се и лю-

бимъ имъ руке, као заслуженимъ родительницама и хранительницама човеческога рода; али што се каса да ти њй не преотмемъ, спавай ситъ на оба два уа, съ мое стране на часть ти све баке; само радъ би да те ко има одъ млади локати, знашъ како си друга не-спокоюнъ, башъ као юне, кадъ му муа подъ репъ уѣ; залуду се мой брайко зовешъ Серафимъ, кадъ ниси ѡштъ ни анѣо; срдечно ти зафалюемъ што ми болю наметь желишъ, я о томъ настоемъ и настоябу докъ самъ годъ живъ:

„Старамъ свагда учеѣи се.“

Ови исти мой пріятель, по савршенію свога пис-ма прилаже ми, као подъ тайномъ неколико врста, но ова стваръ ніе нимало за тайну; а при томъ я добро знамъ, да ће онъ ту тайну многима приобштавати и публично говорити; зато мени е потреба за мое оправ-даніе, сврхъ тога изяснити се. Вели ми да не укла-нямъ изпредъ очію и немеѣмъ за леѣа почитаніе, кое самъ моіой націи дужанъ, и да не чинимъ да намъ се други народи смею. Ко годъ има найманъ ламети и разсужденія, може врло ласно познати, да ово об-виновлѣніе не може се мени нимало приписати. Нека ми ко покаже єдну єдину націю на свету, коя ніе имала своя Коледа, свое Додоле и Даворе, Браминѣ, Квіетистѣ и здравѣ читавѣ просякѣ! Остроумни Молі-еръ представляюѣи обштемъ смѣху и поруганію Тар-туфе, Аваре, Мисантропѣ и подобне ови трица люде, ніе нимало мисліо просвѣщенной Французкой націи ругати се, но будалама, кои се у свакой націи, граду и селу наоде. Морални или паравни недостатци по-

добни су физическимъ болестима ; како сви люди не могу бити здрави, тако не могу ни сви бити паметни; зато су потребна лѣкарства, колико физическа толико и морална. Редка е птица и беломъ подобна гаврану, безъ никаква младежа човекъ! Само е они поруганія достоянъ, кои свое исте будалаштине високопочитуе, и за свете држи, а они кои се ташти и сили, одъ данъ до данъ свое недостатке откривати, познавати и одметати, а на место нѣи преимущества и добродѣтели придобивати, срце припитомлявати, нарави украшавати и словесность душе свое, све къ то вишемъ савршенству узвишавати, ови е вреданъ и велике похвале и чести достоянъ човекъ. Ово се исто одъ слова до слова и о едномъ цѣломъ народу може рећи: да е само едно единое село славеносрбскога народа на свету, оно би души мојой пречестно и свето и моему срцу сладко било; а некамо ли, благодареніе Богу, има га толико кралѣвства и провинція, и на миліоне се брои. Ніе се дакле чудити, да се наоди, у толикомъ многочисленомъ народу, различни закона, обичая, церемонія и коекакви као и међу остали народи на свету, будалаштина; али разумніа часть народа нимало ове будалаштине не поштуе, нити имъ, зашто су свое, атара пази. Лишай ни на коемъ образу поштеня не чини, али е онда најгорикадъ е на момъ или на мое жене образу. Нашъ небесни Учитель шта насъ друго учи говорећи: *Око, рука, или нога, ако те соблажнява, одрежи е и баци.* Овде свакъ може видити, да речъ ніе ни за руку ни за ногу него за неке обичае коима смо обикли, за неке обреде, кое намъ се чине свете, за нека скло-

нѣнія, коя су намъ мила како очна зеница; како ви-
димо и познамо да су противне здравоме разуму и
обштой ползи, избоди тако око и одрежи таку руку и
ногу. Она наша пословица ништа не валя: *Какви смо*
да смо, свои смо. На мѣсто ове, ову другу валя да
уведемо: *Свои смо, некъ смо валяни.*

— на окая :занимае зиро окая влми дмвн уо кон .лннн
и укучеръ оковарде энантоди уо вл оианаси и оинд
и укучъ ухет нжордо и око охет ндоген нмвон нотндо
**Laissons dans les cieux les sciences tres sublimes,
Travaillons dans le monde à detruir le crime.**

Превисока мудрость некъ на небу стои,
Изтребити съ света злобу, то су труди мои.

Едногъ премудрога и храброга Краля речъ, кою,
како самъ у нѣговой кнѣжки, Філософъ Санцуци на-
реченой, прочитао, ово самъ намѣреніе зачео, ако ме
кадъ Промисалъ неба сподоби, за общество што са-
ставити и списати; противъ будалаштина и злоба пи-
сати ъу. Не може се ништа питомо на нѣиву и лею
посіяти, ако се земля пре къ томе не приготови, не
разкрчи и не разчисти; на исти начинъ, колико умъ,
толико и срце наше, не могу къ добродѣтелямъ спо-
собни бити, ако се пре на то не спреме и не приго-
тове. Ко годъ жели поштенимъ и достойнимъ чове-
комъ постати и назвати се, о овима двема стварма у
све време живота свога валя да настои; прво, умъ
свой да просвети да може управъ и совершенно позна-
ти што є добро што ли є зло, а потомъ, срце свое
одъ ови зли закеваня да очисти, и на мѣсто ови,
добра и полезна да уведе. Сви люди одъ они, кои на
Царски престоли сѣде, до найпоследњи селяна и чо-
бана, кои подъ трскомъ покривенимъ кућицама живе
могу бити добри; обшта є добродѣтель свимъ словес-
нимъ людма! по самой и едной добродѣтели, бива

човекъ похвале и славе достоѣнъ; а безъ нѣ свако достоинство, буди мѣрско буди црковно, на већи укоръ и срамоту служи. Неронъ, Калигула и Дометіанъ срећни би много били, да су овце пасли, ерѣ у овомъ низкомъ состоянју неби кадри били, толико зла учинити, и толику неповину крвѣ пролити. Докъ е годъ света, сладко ће бити воспоминіе Антонина Авреліа и Тита; и довека ће се називати оци, благодѣтели и Делиціе, сиречѣ сласти човеческога рода. А по чему то? ови су били, као и они Римски Цесари; но они су се са зли свои и неправедни дѣли поцрнили и вѣчной мрзости и хульнју подпали; а ови су, чрезъ свое прекрасне добродѣтели вѣчну славу и свега света любовь заслужили. Сва преимущества, коя иначе сама у себи весма су добра, како на примѣръ, богатство, богатство и наука, безъ добродѣтели нису достойна найманѣ чести; на противъ колико више средства и способности за учинити добро имаю а пренебрегаваю, толико вишемъ похуѣнју подлежу. Да се паунъ поноси съ шаренимъ репомъ, а еленъ съ кракати рогови, имаю право; прво, ерѣ су безсловесни, и нису способни къ већимъ преимуществама; а друго, то су нѣове природне ствари; али, да се неразумна глава диже и кочи, подъ великимъ самуръ-калпакомъ, подъ златоокруженимъ шеширомъ, или ако ће башъ, и подъ Архіерейскомъ митромъ, то е крайнѣ посмеянія достойна стваръ. Златни крстъ и омофоръ нису кадри украсити прси, у којима лежи пакостно, сребролюбиво и неваляло срце. Благопріятна е телесна красота, но безъ красонаравія ништа неваля. Паунъ са своимъ своіомъ ленотомъ у авліи по ђубрету ходи, ерѣ му по-

янѣ ни на што не служи. Безсловесна четвороножна животиня цѣни се по мѣри ползе кою узрокуе; у конь-
ма и у пси изискую се неке вредности и способности;
колько више мора то при словесномъ човеку бити. О
прекрасна добродѣтели, ти си сама знакъ и печать
божественнога образа и подобія! Безъ тебе човекъ е
невалялий и хуѣи одъ свою безсловесни створеня, крозь
тебе саму, цари света и владѣтели, биваю човеческо-
га рода оци и благодѣтели! чрезъ тебе судіе правду
любє, учени люди светъ просвѣштаваю, Архіереи и
Свештеници, добри пастири и наставници биваю! Ёд-
нимъ словомъ, све добро на свету чрезъ добродѣтель
бива, и сва слава временна и вѣчна чрезъ ню се до-
бива, крайнѣ и височайше благополучіе и достоинство
човеково у томъ се состои да може, ако оѣе, добро-
дѣтелянъ бити. Сви люди могу добри бити, и сви су
зато одъ Бога создати; но за доѣи къ добродѣтели,
валя найпре изтребити злобе. Садъ свакъ нека раз-
суди, колике су похвале и славе достойни, Цари и Су-
діе, Архіереи и Свештеници, кои се о томъ стараю и
настояи и зато на свету живе, за изтреблявати злобу
и уводити добродѣтель. Кадъ нѣова човеколюбна, оте-
ческа срца то желе, за тимъ теже и съ мудримъ
Сансуци то данъ и ноѣъ вопію: *изтребивши съ свѣта
злобу, шо су послѣ наши!*
Неможе бити ни слаѣа ни веѣа, ёдномъ добромъ
и благородномъ срцу утѣха, него многи людїи спокой-
ство и благополучіе узроковати, и обштимъ благодѣ-
дѣтельмъ називати се! Саме красне душе и отмѣнна
срца кадра су чувствовати, какова небесна сладость
у овомъ се наоди труду и упражненію. Къ овомъ бо-

жественбѣмъ преимуѣству доѣи, ово е найспособнѣе средство, изгреблююѣи измеѣу люди вражду, мрзость, неправду, лукавство и проче злобе; а на мѣсто нѣи уводеѣи човеколюбіе, доброту, правду, чистосердечіе и проче добродѣтели. Но за моѣи то учинити и исполнити, потребно е поиздалека почети и лагано, стопу предѣ стопу меѣуѣи поступати, и пре свега одѣ про-свештенія разума почети учинити; зашто, догодѣ люди не доѣу кѣ чистомѣ и ясномѣ познанству злобе и добродѣтели и не сазнаду, кои су нѣіови знаци, коя ли су и каква нѣіова слѣдованя, изѣ шта и како се раѣаю; догодѣ велимѣ, не буду кадри те ствари савршено познавати, наодеѣи се свагда у двоумію, сумнѣнію и неизвѣстію; и небудуѣи способни управѣ разпознавати едно одѣ другога, неѣею умети ни моѣи себе, кѣ чемулибо ни опредѣлити; стаяти ѣе као невештѣ путу на разпутицама, незнаюѣи кои е кѣ нѣіовомѣ намѣренію найправіи путѣ; и што е найгоре, узети ѣе изѣ незнаня башѣ онай, кои ѣе іи све то далѣ одѣ пожелѣнога конца одводити и удалявати. Я самѣ чрезѣ мое искусство, и сѣ моіомѣ великомѣ ште-томѣ познао, у каковомѣ неизвѣстію волнуе се сирома човекѣ, пре него доѣе кѣ понятіяма чистимѣ, извѣст-нимѣ и постояннимѣ; валя се као корабль безѣ кор-мила, ходи као у помрчини, бои се да о што сѣ че-ломѣ не лупи, а не види яму предѣ ногама. Не едну годину или две, но десетѣ или петнаестѣ, читао самѣ различне ствари рукописне и наштампате, пакѣ самѣ све чистосердечно вѣровао; ние ми никадѣ ни на умѣ пало, да сврхѣ чегалибо посумнямѣ, и да помислимѣ, да су се могле многе ствари написати и наштампати,

кое нити су биле, нити ће кадъ бити; не будући кадаръ разсуждавати, и едно съ другимъ съ прилажући разпознавати, нѣ ми било могуће представлѣніа моима опредѣленіа извѣстна и постоянна дати; било ми е, као едномъ, кои изучи на изусть много речи и разговора туђегъ езика, а незнаюћи шта значе и гди е чему мѣсто, ни на што му не служе; зато, у чему самъ самъ страдао, умети ћу другима правила к' она-ности дати. Показати ћу кои е почетакъ и изворъ злобе, која су нѣйзина слѣдованя, у какво худо и не-валяло состояніе доводи човека злоба и какока зла узрокуе, кое кадъ добро познамо, мораћемо на таке ружне и неваляле ствари мрзити, умети ће мо се одъ нѣи чувати, и срце наше одъ свакогъ злобногъ при-страстіа очишћавати: и на овай начинъ приуготов-лѣни, достигнућемо къ красноравію и къ божественой добродѣтели, и чрезъ ню къ истиномъ благополучію, за кое смо одъ Бога створени.

Злоба е обикновеніе са знанѣмъ и намѣреніемъ такова дѣла предузимати, изъ кои се зла слѣдованя рађаю, илити: злоба е постоянни обичай и готовость, противъ разума и закона поступати и на вредъ и злополучіе другога дѣла своя управляти. За познати савршено, ели еданъ човекъ зао, валя позадуго сма-трати на нѣгова дѣла и обичае; валя добро сазнати, чини ли онъ зло са знанѣмъ и намѣреніемъ и изъ обичая. Потреба намъ се чувати, да не помешамо сла-бости и погрешке, кое изъ незнанства биваю, са зло-бомъ. Како познамо, да еданъ човекъ съ намѣреніемъ, са знанѣмъ, по свомъ обичаю и драговольно, зло го-вори и чини, онда валясе одъ нѣга чувати, како годъ

одъ бесна пса и зміе : а то ніе мучно сазнати ; зашто, ако само съ вниманіємъ посмотримо, на говореня и на поступке злогъ човека, упазимемо, да онъ све што годъ беседи и чини, све се то управля на вредъ, на пакость и на штету другога кога. Нъгово лукавство провидисе крозъ исту маскару притворности, у кою се онъ крие и замотава. Нъгово бѣдно, чрезъ дуга злоупотребленія покварено срце, нити чувствуе, нити осећа, каква е то вещь, любовь къ роду, къ пріятельству, къ друштву и къ прочимъ людма? Онъ осимъ себе никога не люби: найманю свою користь съ великомъ другога штетомъ, не мари кунити; предъ нъговимъ, злбомъ помраченимъ очима, ништа ніе праведно ни поштено, разве оно, што може задовольити нъгова безсловесна закеваня, и испунити нъгову неправедну волю. Коя га страсть найвише облада и преузме, она му е и Богъ и душа; и дотле е кадра злоба бѣднога човека довести, да кадъ совершенно у злу обикне, онда већъ и безъ сваке свое користи, безчеловѣчно утѣшеніе и наслажденіе у несрећи другога наоди. Зло му е само мило, и злу се радуе. Разумъ, они прекрасни небесни даръ! кои е човеку датъ, да га на добро води и наставля, крозъ злоупотребленіе, тако се разврати и поквари, да злбномъ човеку, на то служи, како ће више зла учинити: и такови, колико е више вредни и способни, толико е гори и пакостни; понеже са своіомъ онакомъ вредностію измишля и изнаоди свакояка средства, за учинити зло: онъ за ништа држи савъ човеческій родъ; или га сматра као орудія, чрезъ коя онъ може испунити свою зверонаравну волю. Ово е речено во обште о зломъ човеку;

но нека садъ дођемо почетку и извору злобе, и некъ попроразсмотримо одъ кудъ и како се рађа.

Почетакъ и коренъ сви човечески намѣренія и дѣла, нѣ друго, него любовь къ себи. Изъ овога корена произлазе три стабла, која се зову *славолюбіе*, *любоимѣніе* и *сласшолубіе*. Изъ ова три стабла израштаваю многе и свакояке гране; иста она три стабла илиги три началне човеческе страсти, ако се на добро управе и окрену, рађаю добродѣтели и узрокую сва човеческа совершенства, како ће се видети онде, гди се о добродѣтели буде говорити; а овде ћемо представити како се изъ нѣи, кадъ се на зло окрену и употребе, сва неваляла дѣла и све злобе рађаю. Некъ приступимо садъ къ првомъ самолюбія стаблу, то естъ къ славолюбію. Први плодъ и знакъ неразумнога славолюбія состои се у гордости. Потреба е, да овде на ма' напоменемо да изъ разумнога и умѣренога славолюбія, никада не произходи гордость; понеже, добродѣтелно славолюбіе, показуе се крозъ таква исправленія, која су на велику ползу общества, слѣдователно рађасе изъ разумне любви къ себи и къ свему човеческомъ роду. А гордость нѣ ништа друго, него преко мере и преко разлога, себе самога, осимъ своју людій на свету почитеніе, више него пристои о себи мислити и себе за то, што ко нѣ, држати; ево изъ шта се рађа гордость. Гране овога стабла, или ти слѣдованя, по којима се познае права гордость, ова су: Своју люди презиранъ, непочитаніе и за ништа држанъ, любовь началству и къ заповѣданю, устремително желаніе предпочитанія и представительства, нерасудно велерѣчіе и самога себе похва-

лѣніе, свію други осужденіе, посмѣяніе и погано на-
мигльиво поруганіе, луда упорность, тврдоглавство, у
свачемъ самовольство, и за найманю погрешку беско-
нечно паметозлобіе и osveta. У цркву Божію такови
кадъ уѣ, онъ не улази да се смири предъ Богомъ,
него да съ братомъ своимъ Фарисеомъ говори: *Фа-
ла ши Боже, што нисамъ као остали люди!* Надутъ
и разпетъ високоуміемъ, на сву землю и люде гледа
као на еданъ мравинякъ. Кочи се, печи се, самъ в
себи за удивленіе и чуди се своимъ алынама; и за-
то све, кои нѣга не фале, и кои се нѣму не чуде,
за дедаке држи, самъ сиромѣ будући пукій дедакъ.
Сваку добродѣтель и праву заслугу и достоинство ако
ніе кадаръ явно и са свимъ поцрнити и обезчестити,
а онъ ће наћи какавъ годъ способъ, за поругати іой
се и посмѣяти. Ако ли по нѣговой несрећи ни то не
може; а онъ онда одъ люте зависти, коя га преобла-
да, мучи, глође и трза (ево почетакъ зависти) савъ
побледи, упадну му очи у главу, сушисе одъ данъ до
данъ и пропада, и съ истимъ отровомъ, съ коимъ
ніе кадаръ друге отровати, самъ себе труе. Такова
куга и пропастъ, ако гди власть добіе и могућство,
самъ Богъ може сачувати родъ човеческій одъ нѣ!
Ако е Царъ и Владѣтель, онъ е Неронъ, Калигула и
Дометіанъ! ако ли е црковна персона, онъ све, кои ни-
су нѣгове вѣре, живе дае пећи; носи литію и крстове,
пое псалмове Давидове, пакъ за славу Божію, пече лепо
здраве читаве люде. А гди му закони грађански то не-
допуштаю, а онъ онде чини оно што може, сирѣчь све
проклинѣ, и у вѣчну муку осуђуе, и одъ велике ревно-
сти и любви къ Богу, люде анаѣми и врагу предае. Ова

едовита змія гордостъ, кадъ се у богатомъ и благородномъ нађе, показуе се чрезъ глупость, безобразіе, сквернословіе и безчиніе: у силному и могућему, чрезъ суровство, безчеловѣчіе, зверонаравіе, псовку, гнѣвъ и ярость: а у слабомъ и немогућему, дае се крозъ самимъ противне знаке познати крозъ притворно смиреніе, лукаво лицемѣріе и ласкателство, коварно подчинѣніе, улагиванъ, човекоугодіе и некакво усиљно сладкоречіе. Бднимъ словомъ, крозъ лажљиву светию. Видити е овакога, кадъ по сокаку иде, спуштень е и скупљень, као да се бои да на мравка не згази, спусти капу на очи, и натакне ти е на уши, рекао би (ко нѣ лисици вештъ) да е са свимъ свету умрео, и да нитъ што види ни чуе: но некъ де намъ се на амвонъ попне: онда ћешъ видити шта му подъ кожомъ лежи! Я самъ познавао такогъ ревнителя, кои би се чудію, нашто ће Богу громъ, кадъ неће да сгрува главе флизирате, попове подбріате, и жене, кое безъ гаћа по сокаку иду, накъ имъ ни на умъ не пада да су безъ гаћа. У Турској земљи жене, оно су жене! лепо везене гаће вуку имъ се чакъ по земљи! ай лукава гордості гди ли ти твой носъ не завлачишъ, и съ чимъ јоштъ твоя надувена глава неби рада била управљати и заповедати? Чудновита стваръ! Ко би се надао, да ће спазити у истой гордості тако противна видѣнія? увуче се подъ измрљатъ и издрпатъ манторосъ, како годъ подъ златомъ украшено одѣло. Влада се и води по времену и обстоятелствама, облачећи се кадъ у лавову кожу, кадъ у лисичію; ако ли јој буде до неволъ, и у овчю; и види се, не само у ономъ, кои главу у облаке диже, него и у ономъ,

кои съ притворноулагливимъ смиреніемъ по ѱубрету пузи. Но нека допустимо, да гордельиви човекъ има велике вредности, преимущества и науку, и све што му драго; ништа манъ, све съ гордињомъ поштети и поквари; Зашто све презирући и за ништа спрама себе држећи мора свима несносанъ и мрзакъ бити, пакъ онда коя му е користъ одъ све вредности, кадъ ніе кадаръ нити кога любити нити коме любезанъ бити? Чудновити и сасвимъ неразуманъ поступакъ, крозъ она иста средства крозъ коя би се могла обшта любовъ и почитаніе придобити, обшту мрзость и презрѣніе заслужити!

Ево браћо моя шта е и каква е гордость, и коису нѣзини породи и слѣдованя. Свакъ може ласно разсудити, колики немиръ и смућеніе ова страсть узрокуе, и колико е велика потреба одъ нѣ се чувати, навластито у младости, кадъ она найвише любви, свирѣпствовати. Но и опетъ по другій путъ опоминѣмъ, и яко свакому препоручуемъ, да не валя врло ласно, неке виѣшниѣ знаке за гордость узимати; може ко, управъ тѣло и главу држећи ходити, великолѣпно одѣнутъ у злату сјати и нимало гордельивъ бити, ако само друге не презире и не уништожава; на противъ може другій погрѣлѣнъ и савъ измрлятъ, пунъ високоумія и хулости бити; ово валя добро назначити, да потаена гордость найвише виче на явну. Смиреніе, кое чакъ до худости досеже, и само е худость. Свакомъ пристойну честь показуюћи, то исто, (но не више нити преко мѣре) одъ други зактевати, не само ніе злоба, но добродѣтель. Пре савршенога познанства, не валя судити, нити што о комъ потврђавати, нити

одрицати. Неки люди изъ почетка чине се чудновати, но колико се ко више съ нѣма обходи, толико више добра у нѣма наоди. А неки опетъ, при првомъ са- станку, рекао би да су медъ и шећеръ, а кадъ имъ съ временемъ видишъ после, и по нѣма познашъ имъ внутреня, самъ се крстишъ и чудишъ, како си се мо- гао преварити. Ово исто говорећи о другима, найпре и найпре о себи дужнисмо мислити. Камо срећа, да се можемо съ туђимъ очима видети, и на туђе сито просіяти! Своєлюбіе подобно е очима, кое све виде изванъ себе, само саме себе не виде. Никомъ живу толико атара не пазимо, колико сами себи, и таманъ съ овимъ све кваримо. Ништа намъ ніе миліе него *я, мое, и мени*. Просвештенога разума и добродѣтелни човекъ, свима е милостивъ и удобопростителни судія; себи е *самомъ* неумитанъ и немилостивъ: како што неповольно у другомъ спази, на ма се на се обазре: на полъ *своєлюбіе*! Оди ти *овамо* чиста совѣсти! све- сведочи; има ли што таково, другима неповольно у мени? Савестъ ако е свободна, све ће казати, ако ли гди на близо упази *своєлюбіе*, не сме сирота ни пис- нути; бои се, пакъ за неволю лаже. Онда намъ іоштъ едно остае, да чуємо што о нама добри и разумни ми- сле и говоре люди; ако іоште и овде *своєлюбіе* отме ма; тути е съ нама. Но о овомъ доста; нека садъ приступимо къ второмъ стаблу, сирѣчь къ *любоимѣнію*.

Любоимѣніе е злоба, коя чини човека, сва дѣла своя само на то управляти, како ће се обогатити. Човекъ, коега безмѣрна жеђа злата жеже и мучи, сва худа и неправедна дѣла добровольно предузима, само да стече. Право, криво, поштено, срамотно, то е нѣ-

му свеедно, само нека му што у кесу дође. Преваре, клетве, лаже, све е то нѣму добро дошло, ако само онѣ крозъ то што у кесу може метнути. Сродство, дружество, пріятельство, любовь, милошћа, то су нѣму фабуле: нѣгово камено и ледено срце къ свемъ е другомъ нечувствено и мртво; слава, поштено име, мудрость, наука, све то онѣ сматра као безпослени людій саняня; спомени му само за хиляде талира и дуката, на ма га видишъ гди избечи очи и подигне уши. Жену и дѣцу, самъ себе, свое здрављѣ, душу и тѣло, отечество и савѣ родѣ човеческій, све би онѣ то да може за злато продао, и издао. Мртавѣ да е, пакѣ да за новце чуе, би скочио. А кадѣ већѣ напуни свой гвоздени сандукѣ дуката, што ће онда? Ништа, него да се више мучи, боећи се данѣ и ноћѣ да му га ко не украде. У црну би се змію претворио, да е могуће, пакѣ би се укотрљио на свомѣ злату, и лежао би на нѣму савіенѣ да га чува. Колико више стари и грбави, толико више за новце гине и пропада. Издрпатѣ оди и очаянѣ, и све на прсте брои и есапи: стени и уздише надѣ онимѣ шта еде, брои залогѣ кое у уста меће: да може би се као Хамелеонѣ съ вѣтромѣ ранио. У жену ни у дѣцу свою не увѣрава се, и по нѣговой памети савѣ светѣ о крађи мисли. Богатимѣ завиди, сиромахе пенавиди, за кумство и пріятельство неће ни да зна ни да чуе, а на просяке и калуђере мрзи горе него на црну смртѣ. Нема худости ни безчестія, нема неправде ни безчовечія, коима преко мѣре сребролюбиви неће се предати, само да стече. Ево-ти намѣ слѣдованя сребролюбія и любоимѣнія: садѣ ко оће, нека буде сребролюбивѣ! После овога што смо

довде о любоимѣнію рекли, потребно є добро знати, да се ово нимало не тиче вредни и великодушни богати лица; обште є благополучіє добродѣтели богатъ; високогъ су почитанія и велике похвале достойни трудолюбиви и искусни грађани, кои су кадри поштено стећи, и разумни, стечено на добро употреблявати. Некъ чуємо старца Исіода, како паметно о овомъ беседи:

„Полезно є ово над'инаѣиванъ, гди ревнує комшія комшіи, и ити орати, садити, и домъ свой благоуправити.“

Нема ти горе куге одъ обштегъ сиромаштва. Врло добро веле наше баке: *Убогъ мужъ, мой синко, гошова лажъ.* Но ко са своимъ остроуміємъ и трудомъ поштено свою потребу може имати, и съ тимъ задоволянъ уме бити, онъ є далеко одъ сиромаштва. Ни еданъ поштенъ човекъ, ако ће и сироме бити, не завиди богатимъ, нити нѣгово жели. Са своимъ придуміємъ и трудомъ, непорочне и благе дне свое проводи, колико му манъ валя, толико є срећній и богатіи. Ако заната не зна, а онъ землю копа и оре, и съ тимъ не само свою, колико беззлобнію толико веселію фамилію рани, но и немоћна и невольна често нарани. Срце нѣгово, слободно одъ сви нагли и напрасни желя и закеваня, весели се и радує, видећи богате у народу свому; жели имъ небесни благословъ и у свему срећу и напредакъ, да су кадри више добра учинити. Нѣгове човеколюбне прси, само се добру радују и то свету желе. Но доста о овомъ; више ћемо, кадъ будемо о добродѣтели речъ водити; некъ посмотримо садъ трећій и последній стабао злобе.

Трећій израстакъ неразумнога самолюбія состои се у сластолюбію. Нѣгове су грање и слѣдованя, лѣность, обѣденіе и пиянство, лакомство, невоздржаніе, блудъ, и проче тѣлесне нечистоте. Свакъ може ласно видети, како најзлобнія и најпотребнія телесна воспријатія, и богоданна човеку наслађенія, чрезъ злоупотреблѣніе, велике злобе биваю. Одъ труда починути, и колико уму, толико и тѣлу потребни покой дати, то е неотложно нужда; и разуманъ човекъ зато себи покой дае, како ће съ већомъ способностію къ другимъ и къ полезнимъ упражнѣніяма приступити; а сластолюбиви лежи и гнили у свагдашньої лѣности; да светъ пропадне, не би ти се онъ помакао: виде му се подбуле одъ спаваня очи; зева одъ унинія, те му пуцаю челюсти. Време златно! време! кое е тако кратко и многоцѣнно, нѣму е на бreme и на теготу. Незна шта ће зачети, ни како ће данъ провести; ни къ чему неспособанъ, слабъ, страшивъ, на све непотребанъ, тегоба прной земљи, по којој се потеже и повлачи. Ништа му ніе миліе него празници и светковине, да подобне себи млоге безпослене пађе. Не будући ни на што кадаръ ни вреданъ, долазе му свакояке мисли у главу; но какве? една одъ друге гора и невалялія. Ако е сиромѣ, мисли о лажи, о превари, о крађи, или о узаймљиваню, да никадъ не врати. Ако ли е богатъ, даде се у празнословіе, безобразно блядословіе посмеянія и осуђеніе; то су нѣгови послѣ. Ђсти и пити, шта е потребніе и нуждніе човеку? Благій Творацъ, съ богатодаровитомъ десницомъ, напунио е све естество съ раномъ и напиткомъ нашимъ. Какове безчислене родове земля не прозябава? колика и какова сладка

воћа дрвета не рађаю? Поля и дубраве напуњена су
сѣ свакоякомъ животињомъ, питомомъ и дивіомъ, одъ
кои, неке су на службу нашу, а нека на рану и одъ-
яніе. Колике феле перјати птица? Море и рѣке пуне
су сѣ безчислени родови риба. Лоза намъ дае свако-
јака вина, и весели срца наша. Цвећа польска и др-
већа, нису само на мирисъ, на украшеніе и на пло-
да предназначенованіе и предвозвѣщеніе; одъ росе,
која на нѣи пада, пчеле медъ сисаю и сѣ нѣимъ гор-
тане наше услађаваю. Изъ свега овога се види, да
благодѣтелни Творацъ, нѣ дао само оно, што е по-
требно, него и што е сладко, благопріятно и весело.
Разумномъ човеку све е то дозвољно, славећи и бла-
годарѣћи Творца свога, уживати; но сѣ разумомъ и
умѣреностію; и на овај начинъ свему бива и на ве-
лику ползу; а преко мѣре сластолюбиви, злоупотреб-
љавајући ове божіе даре, неблагодаранъ бива благо-
дѣтелю, и самомъ себи вредовитъ и злотворъ. Онъ
незна ести нити уме пити, да се не опіе и не полу-
ди. Све свое блаженство у чанку и бокалу полаже:
о елу и пићу саня и говори; до подне мамуранъ; а
после подне піянъ; нити му кадъ пада на на умъ да
е на што друго на свѣтъ постао, кромъ да еде и
піе: двадесетъ и петъ ела да се предложе, онъ
незна, шта за нѣговъ стомахъ изабрати; нити одъ
свакогъ по мало узети, но онъ ће ти се двадесетъ и
толико пута наести и нагрувати. Све за нѣговъ сто-
махъ, ербо онъ не жваће него гута само, радъ би да
му е трло као у ждрала, да задуго осећа оно шта гу-
та, и да му е трбу као у вола.

Любовь мужскаго пола къ женскому, и женскаго къ мужскому, пречестна и света любовь! кадь по закону и по премудромъ намъренію естества бива; источникъ и начало човеческаго порода. Жени се человекъ, за имати верна друга у свемъ животу своему, у благополучію и злополучію, у веселю и скорби, у здравлю и у немоћи. Чувствуюћи у себи склонѣніе къ женскомъ полу, чуе свети естества гласъ, кои га позиваѣ да родитель буде и да се оцемъ нарече. Чрезъ законно совокуплѣніе съ другомъ своимъ, дае свету, себи подобанъ плодъ и родъ; сподобляваюћи се првога благословенія божіеѣ, кои се состои у *растѣше се, и плодише се, и напуниши землю*. Сладка и света любовь супружеска! у коіой се све остале любви и милошће состое и заключаваю; родительска и себе истога. Понеже, шта друго любви мужъ у жени своіой, и жена у мужу своему, разве половицу себе? *и будешъ оба въ плоть едину*. Шта друго любви родители у породу своему, разве себе исте приплоѣене и умножене? Шта друго виде у чадамъ своимъ, него плоть одъ плоти свое, и кости одъ костію свои? Соединѣніе koliko пресладко, тоliko пречестно! кое сви Народи просвѣштени за свето држе и почитую. Женидба! Удаа! родительска божественна имена! ко васъ може достойно похвалити и преузвисити? Но што чини зло, неразумно и преко мѣре сластолюбіе? како годъ остале божіе даре, тако и ово, на зло употребява и безчести. Сластолюбиви тражи само свою похоть да испуни, а въ прочемъ родіо се; о томъ онъ нити мисли нити мари; съ нѣгове стране нека савъ човеческій родъ пропадне, то є нѣму за ништа. *и раз*

Изъ тога што смо доведе рекли, свакъ може познати, одъ кудъ и како се рађа злоба, и која су нѣзина пагубна слѣдованя; колике непоредке и несреће узрокуе, но нека ми се дозволи опетъ напоменути, да нѣ право, погрешке и злобу, за едно и исто држати. Еданъ врло добаръ човекъ, или изъ незнаня, или изъ каковалибо обстоятелства, комъ се нѣ никадъ надао, безъ найманѣгъ намѣренія за учинити зло, може погрешити, и другда по несрећи велико зло урадити, но зато јоштъ се не мора назвати зао човекъ; еръ се свако дѣло изъ намѣренія и знаня суди и мѣри; са свимъ тимъ, найманъ погрешке, кадъ се безъ свакогъ опаза учешћаваю, преокрећу се у обичай и наравъ, и съ временомъ велике злобе биваю. Нико у еданъ ма не постае обешенякъ. Ногу предъ ногу корачајући, или се поине човекъ къ найвисочіой добродѣтели или сиђе у найдублю пропасть злочинства. Зато е поглавита потреба дѣцу измалена одъ зли обичая чувати; све о овомъ зависи. Паметна е она пословица: *што е дикла навикла, шо невеста не одвие*. Касно се дае лекарство, кадъ се зло укорени, и сва крвѣ поквари и отруе. Найвећій растъ, при изниченю съ два прста може се изтргнути, а кадъ ти већъ оматори и окракати, ништа съ њимъ безъ сикире и гвоздени клинаца не уради. Блаженъ човекъ, кога разумъ води, и сва нѣгова зактеваня управља! Блаженъ и благополучанъ онай, кои уживлюћи словесно и разумно великога Бога пресладке и безчислене даре, нази у свачемъ умѣреностъ. У умѣрености состои се добродѣтель, а у добродѣтели благополучіе временно и вѣчно. Вѣчностъ насъ чека! Не желе добра срца за

требити съ света злобу, що су трудн наши. Э Ум

О Добродѣтели.

Добродѣтель є избираши найболѣ.

Естественно свакій човекъ люби себе; и ова къ себи природна любовь, меће у движеніе и дѣйствіе сва нѣгова намѣренія и склоненія. Са свомъ крепостію и могућствомъ своимъ настои, или о ономъ што му є угодно и пріятно, или што му є полезно; чинєћи му се све то, што му є пріятно и полезно, да є и добро; обаче повседневнѣ искусство показує намъ очевидно, да често кратъ нити оно што є човеку пріятно и мило, нити пакъ оно, што му може бити за неко време полезно, да нїє добро. Колико кратъ сладка ела и пића вредовита су, здравлю нашему? прїрастакъ имѣнія нашего, ако съ неправдомъ бива, колико намъ се за време чини полезанъ, но нико поштенъ неће рећи, да є добаръ. Свакъ садъ ласно види, колико є потребно и нужно, савршено познанство, ели оно што намъ є пріятно и полезно, у исто време и добро. И ако є не само добро, него колико є могуће найболѣ, онда є добродѣтель. Кадъ ми оно што намъ є пріятно и полезно, само зато зактевамо, зашто є добро, и врло добро, онда смо на путу добродѣтели; и на овай начинъ, то ће намъ бити не само на време, но свагда и за вавекъ и пріятно и по-

лезно. Ако ми за оно, што е управъ добро, за време и штетуемо, трудъ и муку поднесемо, и до потребе исти животъ нашъ положити не одричемо се, онда ми по истини любимо добродѣтель. Желимо ли ми оно што намъ се чини пріятно и полезно, безъ савршенога познанства, ели то у себи и управъ добро; и само зато, зашто намъ се чини на неко време угодно; то ми слѣдуемо слабостемъ и похотамъ нашимъ; залазимо съ пута добродѣтели, и чрезъ внѣшніе и прелестне знаке превареши, трчимо управъ къ злоби. Иштемо ли ми нашу ползу и угодіе, чрезъ другога штету и вредъ? онда ми нимало не познаемо право добро; на мѣсто мнимога добра зло избирамо, и наше кратковременно прелестно угодіе преокренуће намъ се на вѣчно неугодіе. Зато, у овоме се состои сва мудрость, да основателно и савршено познамо, оно што за угодно и полезно наодимо, да е само у себи, безъ свакога изятія у kojemъ либо отношенію, къ нама или къ другима, добро и колико се може найболѣ; на овай начинъ, узроковати ће, наше внутренъ задовольство и спокойство, служити ће не само къ нашемъ него къ общемъ благополучію, и биће намъ свагда угодно и полезно.

Савршено познанство управъ полезнаго и угоднаго, толико е потребніе и пуждніе, колико, изъ овога познанства, рађа се чисто и известно познанство добра. Што е годъ свагда, нама и другомъ мило и угодно; и што е годъ къ совршенству нацему, и ближњи наши потребно и полезно, то мора бити по своіой натури добро. Существо добра состои се у совршенству и благосогласію стварій. Често пути чини

човекъ нека дѣла, или само изъ обичая, или слѣдую-
 ѹи прикладомъ и увѣщаніями други людій; на овай
 начинъ, ако ѹе колико добра чинити, не може се до-
 бродѣтелянъ назвати; зашто, догодъ онъ, слѣдуюѹи
 прикладомъ и усовѣтованіями други людій, безъ яс-
 ного и свойственого познанства и безъ внутренѣга у-
 вѣренія, о добротѣ свои дѣла, ради и поступа, онъ ѹе
 на исти начинъ подложенъ бити, по прикладу и по у-
 вѣщанію другій, и такова дѣла предузети, коя нису
 добра; не будуѹи кадаръ самъ о нѣима судити. Изъ
 того слѣдуе, да е основаніе и почетакъ добродѣтели,
 просвѣщеніе разума; одавде е потреба почети, и по
 овомъ управляти се и водити; ако желимо да наша
 добра дѣла постоянна буду; и да ми исти, по внутре-
 нѣмъ увѣренію и свидѣтельству совести наше, не са-
 мо за време овога краткога живота, него и по смрти
 да душа наша, вовѣкъ съ наши дѣла и поступки за-
 довольна буде; коя дѣла споминюѹи, и на нѣи на-
 трагъ обзируѹи се, да се свагда весели и радуе; об-
 носеѹи у себи савршено увѣреніе, да се е съ тѣломъ
 заедно, ташила Богу угодити. Вѣчно задовољство и
 радость; блаженога рая сладость, еднимъ словомъ,
 Царство небесно, по святой Евангелской науци, у ово-
 ме се заключава, то естъ, у внутренѣмъ извѣстномъ
 увѣренію, да смо учинили све што смо могли, за ис-
 полнити дѣла любви и милости, и да смо слѣдовали
 премудрой воли Творца нашего. *Аще сія сошворише,*
блажени будете; вели намъ нашъ сладкій и човѣко-
 любиви Спаситель. *онѣмъ и обѣщанъ нѣмъ*
 Кадъ човекъ, съ помоѹу просвѣщеного разума,
 ясно и известно позна, што е и у чемъ се састоѹи до-

бро; у исто време предвиди, да къ исполнѣнію добра, изискуе неке вредности и способности, безъ кои нити се што добро може почети ни свршити; и да се наоде на путу добродѣтели различна препетствія и сметнѣ, кое су кадре зачето добро или у закашнѣніе метути, или сасвимъ възпетити; зато, нѣгово прво старанѣ валя да буде, съ потребнимъ вредностима и способностима приготовити се, да е кадаръ сва пренетствія и сметнѣ подигнути, съ пута уклонити, и удалити; и тако не само неће му бити мучно и теготно, добро творити, него и врло ласно и као изъ обичая. Сметнѣ, кое препетствую и закашняваю добродѣтель, наоде се по вишой части у нами: наше слабости, наша кепоредачна зактеваня, нека не добра обикновенія, коима смо одъ младости привикли, одъ кои морамо сасвимъ свободни бити, ако желимо съ савршенимъ успѣхомъ, у твореню добра напредовати. Изъ овога што смо доведе представили, можемо ово опредѣленіе добродѣтели дати: *Ласность илиши готовность, изъ свойственнаго увѣренія, слѣдуюћи добримъ закшеванямъ дѣлаши.* Нека садъ мало изяснимо ово опредѣленіе, да у нѣму ништа не остане тамно и неразумително; рекли смо *ласность* и *готовность*, зашто кадъ човекъ чрезъ дуго време обикне добро чинити, то му ласно бива, и свагда е нато готовъ, безъ свакогъ закашнѣнія, одлаганя и труда: придодали смо, *изъ свойственнаго увѣренія*; то есть съ совршенимъ своимъ знаніемъ и избраніемъ, а не по увѣщтанію другога кога. *Слѣдуюћи добримъ закшеванямъ*; како су добра, мораю бити свагда и угодна и полезна, и нама и другимъ. Ово е добродѣтелиа, кадъ се приготови са-

буде) саму себѣ по нѣмъ, зато, противъ нѣгово пра-

свимъ потребнима на то вредностима; да е кадаръ сва препетствія побѣдити; и чрезъ дуго упражнѣніе и обичай, задобіе готовость и ласность, оно што е найболъ, и познавати и изабрати, и у дѣйство производити. Свако обикновеніе и готовость раѣа се изъ дугога упражнѣнія и искусства, зато е сасвимъ нужно, изъ прве младости и одъ колевке почети. Добродѣтелянъ човекъ дакле, никада себе къ таковимъ дѣламъ неће опредѣлити, коя онъ, юште съ савршенимъ увѣреніемъ за добра не познае; нити е онъ съ тимъ задоволянъ, што многи нека дѣла за добра вменяваю; сматраюћи, да честократно премноги люди и цѣли народи, у неки послѣ вараю се. Но ако ће колико човекъ искусанъ и просвѣщенъ бити, ограниченъ будући, не може у свему савршенъ бити; зато велику потребу има одъ извѣстна правила, коєму слѣдуюћи, у сумнителнимъ и мучнимъ стварма да не погрѣши. Сами е Богъ, и нѣгова вѣчна воля, ово правило; ко жели дакле на путу добродѣтели успѣвати и напредовати, дужанъ е чиста понятія о савршенствама божіимъ имати; и нѣгову безгрѣшну волю за свагдашнѣ правило, по комъ своя дѣла мора управляти, себи предложити; то єсть, све што намѣрава предузети, на мѣрилу здороваго разума измѣравати, и и као о каменъ испитанія, чисто злато искушавати; у себи овако разсуждаваюћи и говорећи: Може ли ово мое дѣло вѣчной божіой правди и добротѣ угодно бити? Рекли смо да е добродѣтель избирати найболъ; ово е врло добро речено! зашто су степени добра многи и различни; и ко годъ за манъ добро веќе изоставля, могући ово учинити, нѣгова е добродѣ-

тель недостаточна, и онъ не само не чини добро, него зло.

Разделићемо добродѣтели на два поглавита реда; прве ће мо назвати предуготовителне, кое се састоје у совршенству самога себе, сиречъ у придобитку такви вредности и способности, крозъ кое мећемо сами себе у состояніе, умети и моћи, похвална дѣла познавати, избирати, предузимати и исполнявати. Втори редъ добродѣтели, нарећи ћемо дѣйствителне и исполнителне; понеже чрезъ ове вредности и способности придобивене, међу се у употреблѣніе и у дѣйство производе: нити остаю ограничене и само у нами затворене и сакривене, но приобштаваю се ближњимъ нашимъ и изванъ насъ, на общте човеческога рода благополучіе приподаю. Начална и прва предуготовителна добродѣтель состои се у разумномъ и синовскомъ страху божіемъ; кои се рађа изъ искренѣ и синовске любви къ богу. Припознаюћи ми, и непрестано у уму и срцу обносећи безчисленна благодѣянія вѣчнаго Творца, благога небеснога Оца, не само она, коя намъ у овомъ временомъ животу показуе, него и много више она, коя намъ е за безмѣрну свою благодѣ, у ономъ блаженомъ и вѣчномъ животу одредіо и приуготовіо, любимо таква благодѣтеля више него сами себе, и него животъ нашъ; и ову любовь дѣломъ показуемо, нѣгову свету и праведну волю исполнявајући, и на то све силе и крепости душе наше употреблявајући, да се толике милости достойни покажемо; слѣдователно предпочитавамо и волимо штолибѣ претрпѣти, (и ако до потребе буде) саму смртъ подиети, него, противъ нѣгове пра-

ведне волѣ найманѣ што мислити и творити. О нашой природной слабости увѣрени, сву надежду нашу на Бога полажемо; нѣгову свесилну помоћъ, при свимъ нашимъ намѣреніама и предпріятіама призивлѣмо и што смо годъ кадри добра учинити, нѣговой високой милости и благодати приписуемо и посвештавамо. Божимосе Бога, не зашто е зао, него зашто е неизказане благости и доброте. Страхъ и любовь божія, то е сведно, и нераздельно. Ко не любви Бога, нити има о нѣму познанства, нити га се може бояти. О вѣчна красото и доброто! ко те неће желити, и вовѣкъ вѣка любити? ко може о теби помислити, да за тобомъ не чезне и не уздише? а гди е любовь синовска къ Богу, ту е любовь къ свегдашнѣмъ добру, къ правди, къ истини и къ свему човеческому роду. Втора предуготовителна добродѣтель зовесе благоразуміе. Ова способность кадъ се крозъ дуго упражнѣніе придобіе, показуе намъ такова средства, коя су найспособніа къ исполнѣнію похвални дѣла; ако ли по случаю пригоди намъ се што нечаянно, кое ми са свомъ нашимъ опасностію нисмо могли предвидити, благоразуміе буди свагда садружено съ присутствіемъ духа, бива намъ овде одъ велике помоћи; не само не даюћи намъ пасти у смуѣненіе и сметню, нити одъ зачетога добра одустати, него јошть савише, доносећи намъ на паметъ такова скоро придоумлѣніа, съ којима, оно исто што насъ е мислило смести, или уништожавамо, или на нашу ползу преокрећемо. Остроуміе, опасность, присутствіе духа, све се ово у благоразумію заключава. Трудолубіе е трећа овога вида добродѣтель; кадъ човекъ изъ младости свое разумномъ навикне

трудолюбію, радо, весело и постоянно, добримъ и общепользнымъ упражненіямъ, слѣдуетъ, не само ніе никада другомъ на теготу, него іоште, у комлибо состоянію се нађе, онъ ће наћи начинъ и средство, како ће другима добро учинити, нити ће се наћи данъ у животу нѣгову кога е онъ за сама себе преживіо; све су нѣгове мисли и желанія, сва дѣла и упражненія къ общој ползи управљена. Онъ нити е радъ, нити има кадъ, у одъ ништа после мешати се, онъ добро познае предрагу цѣну златнога времена, нити га пушта да му залуду пролази; и колико е кратко и нагло текуће, нѣговомъ е неуспавадомъ трудолюбію довольно, за вѣчность съ нѣмъ придобити; ичеми трудолюбивой подражателъ и подобанъ догодъ дни живота нѣгова цвѣтаю, онъ сладки медъ добродѣтели изъ нѣи сиса, и за ову блажену и сладку вѣчность сабира и сокровиществуе; некъ премине и прелети пролеће нѣгово, некъ увене и опадне красно цвѣће дана нѣгови, ништа онъ при томъ не штетуе ни губи, ерѣ е онъ, съ своимъ премудримъ трудолюбіемъ, савъ мирисъ, савъ медъ и савъ плодъ цвѣћа свогъ у вѣчность предпослао, и безсмртію посветіо и на сохранѣніе предао. Четврта предуготовителна добродѣтель наричесе умѣренность; знати и пазити у свачемъ мѣру, и предѣла не прескакати, велика е мудрость! У елу, у пићу и у говореню и у свимъ тѣлеснимъ и чувствительнимъ закрѣваніямъ ако се не пазимѣра, пада се у злоупотребленіе. Добру коню узда и вредну чочеку умѣренность, единако су потребне. Изъ ове златне добродѣтели, као изъ плодородне матере, рађаюсе ова прекрасна чада; разумно задовољство, кротка стрпелъ-

востъ, цѣломудренно воздржаніе, паметно разсужденіе, и сладко смиrenomудріе. Пречестна мати, благодѣтельнице света! ко ти се неће кланяти? Блаженъ народъ, съ коимъ ти живишъ, и чада твоя раѣашъ! Нека мало посмотримо, коя добра узрокуе свету, ова небесна фамілія. Гди е задовольство, ту нема лакомства и неправедне туѣга желъ; нема преваре, обиде и неправде: змія завистъ, ту несме нипошто главу свою помолити; ко е задоволянъ, онъ е и богатъ и среѣанъ. Гди е стрпелливостъ, ту благодаравіе и кротость; ту се ласно погрешке другога снесе и праштаю; нема ту ни напрасности, ни гнѣва, ни зверске ярости; нема вражде ни паметозлобія. Вѣчна тишина царствуе у срцу трпѣливого; и овде можемо слободно рећи, оно што ће се многимъ за необычно учинити, премда е права истина; то естъ, да е среѣнии трпелливи човекъ у несчастію, него нестрпелливи у счастію, ербо онъ, на свесилнога Бога надежду свою полагајући; непостоянству фортуне, као дѣтиньской игри смее се. При свимъ изменѣніяма времена, у своіой добродѣтели непоколебимъ, као Велебитъ планина стои и пребива. Вѣчность предъ своимъ просвѣщеніемъ очима имаюћи, и шта е вѣчность, у свемъ нѣизмѣнномъ значеню разумѣваюћи, шта нѣму може кратковременно несчастіе учинити? кое, ако ће найдуже бити, онъ га као тренуће ока сматра. Смрть! кое е само име нестрпѣливымъ ужасно, нѣму е као тихи санъ и съ временности на вѣчность преселѣніе; нити мари, нити се стара, кое ће мѣсто, коя ли земля нѣговъ гробъ бити; гди ли ће онъ тѣло свое, за време, као альину свући и оставити. Небо гледа и зве-

зде сматра, къ коима ъе нѣгова добродѣтелна и без-
сѣтна душа, као чиста и беззловна голубица, у вѣ-
чне благога оца обителѣи, одлетити и преселити се.
Цѣломудрено чадо, премудре матере, воздржаніе! шта
е слаѣе, шта ли е полезніе одъ тебе? Источниче исти-
ногъ наслажденія и здравля! ти само све уживашъ,
свимъ се наслаждавашъ, но у исто време, свимъ вла-
дашъ, и ничему се не порабоштавашъ. Безчисленни
дари богодаровите божіе деснице, чрезъ само воздр-
жаніе биваю чувствителни, пріятни, сладки и полез-
ни. А ти премудри породе благодѣтелне матере, раз-
суденіе! О да ми е съ тобомъ живити и съ тобомъ
дисати! Некъ се никадъ уши мое не затворе къ со-
вѣтомъ твоимъ! никада некъ се не уклони съ цар-
скога пута, коимъ ти водишъ и наставляшъ! Изворе
мудрости, душевно сунце, зѣнице ума! безъ тебе, ако
ъе ко колико ученъ бити, неможе бити ни разуманъ
ни добаръ; а съ тобомъ прости селянинъ бива и па-
метанъ и добродѣтелянъ. Гди ти живишъ и преби-
вашъ, ту нема ината ни кавге, нема упорности ни
лудогъ тврдоглавства. Но шта іоште видимъ? какво
е оно сладко детешце, што на крилу матере свое као
на царскомъ престолу седи? на глави му е одъ зве-
зде вѣнацъ; скиптаръ родительнице свое у десници
држи; сунце му изъ прсїю сія! Како кротко гледа!
животъ дае съ погледомъ своимъ; како се тихослад-
ко, на оне, кои му се приближаваю, осміява! све му
пролеѣе на лицу цвета! Медъ и млеко речи су нѣго-
ве! О небесна мати! како си тога Анѣла родила, ко-
имъ ли си га именовъ назвала! дали се загрлити,
дали се полюбити? ничемъ се тако смиренумудріе

не радує и не весели; само, своимъ любителѣмъ у
наручи ити, вѣнцемъ своимъ главу нѣову увѣнчава;
и скиптаръ побѣде у десницу имъ меѣе. Све вред-
ности и исправлѣнія, сва преимущества и царске добро-
дѣтели, безъ смиреномудрія у гордость падаю, и сву-
цѣну своєю губе; гди є смиреномудріє ту, нема гордо-
сти ни презренія, нема посмѣянія ни осужденія лиси-
ца лукавство, са свимъ своимъ чопоромъ лисичиѣа съ
лицемѣріємъ, притворносѣу, съ улагиванѣмъ, съ ху-
димъ милѣнѣмъ, и са свимъ лажама и преварама, ни-
ти сме нити може ту репъ свой завуѣи. Пета пред-
уготовителна добродѣтель називлѣ се постоянство;
коя се у томъ состои; кадъ просвѣштени човекъ по-
зна, коя су обштемъ благополучію полезна дѣла; пре-
види нѣова добра слѣдованія; спази и сазна, да є ис-
полнѣніє ови дѣла могуѣе; премда труда и подвижно-
сти изискує, жельомъ поштеногъ имена и разумне
славе, (кои се съ правима заслугама достою) укре-
плѣнѣ, предузме іи и саврши. Но валя знати, да ра-
зумно постоянство мора съ разсужденіємъ садружено
бити; зашто, ако съ временомъ упазимо, да оно шта
смо зачели, или є немогуѣе, или нїє тако полезно, ка-
ко намъ се є у почетку учинило било; онда, одъ пред-
узетога дѣла одустати, не само нїє погрешка, него
добродѣтель. Постоянство безъ разума ласно се пре-
окреѣе у самовольство и тврдоглавство. Шеста и по-
следня предуготовителна добродѣтель зовесе муже-
ство. Ово є витежка добродѣтель, коіой Орація ону
прекрасну сведочбу дає, говореѣи:

*Si fractus illabatur orbis, impavidum ferient
ruinae.*

Сгрувато небо да се надъ нѣмъ сруши,

Стра нѣговой не зададе души.

Кадъ нѣговъ великій духъ позна, да е потреба за общте благополучіе животъ свой у бѣдствованіе положить, и чрезъ то безсмертно добродѣтели име за собомъ оставити; онда хіляду бѣдствованія и смрти, нисеу кадре нѣга уплашити. Ово обаче никада не вая изпредъ очію сметати, да свако добро, естествено, съ разумомъ мора саединѣно бити, и да никаква добродѣтель безъ разума не може обстаяти. Зато, премда мужество изискуе, одъ они бѣдствованія, коя су съ исправлѣніемъ похвални дѣла нужно соединѣна, не страши се ни ужасавати, ништа манѣ нимало не забранюе, съ разумнимъ придоумѣніемъ и съ опаснимъ остроуміемъ, одъ такови бѣдствованія, или коя нисеу неотложна, или одъ кои се е могуће уклонити, укланяти се. А кадъ се иначе нипошто не може, развѣ съ бѣдствованіемъ къ добродѣтельнымъ исправлѣніяма доћи; онда мужественни витезъ, постоянно и небоязнѣно, нѣима на мейданъ изићи нимало не сумня. Али безъ потребе, или за одну невозможну стваръ, у бѣду устремлявати се и бацати, то е сасвимъ безъ разума, и на мѣсто мужества зовесе продрзливостъ: такови несмислени Небойша и Делія свагда безъ потребе у велику бѣду стрмоглавце скаче. Право мужество свагда води са собомъ опасность, остроуміе, и присуствіе духа. Мужественно и велико срце никада се не мѣша у малене ствари; лукаво

шаптанѣ, за леђи приговаранѣ, у буцаѣи совѣтованѣ, худо клеветанѣ, ни пошто и никако не може чути ни трпѣти; нема у нѣму потаене освѣте, нема лукаве при-творности: управѣ благородно и великодушно срце нѣе способно къ зависти, ненависти и паметозлобѣю. Врхѣ и вѣнацѣ мужества заключава се, у самога себе и сви свои непоредачни зактеваня побѣжденѣю. Муже-ство и храбрость у едномѣ злочинцу и арамѣи, нѣе до-бродѣтель, него несмысленно и зверско устремлѣнѣе, коа га управѣ къ вешаламѣ тура и потеже. Довде е речено о предуготовителнимѣ добродѣтельма, или ти о вредностима, крозѣ кое човекѣ бива способанѣ дѣй-ствителне и свеобште добродѣтели у исполнѣнѣе про-изводити; о коима ће садѣ слѣдовати речѣ.

Почетакѣ и изворѣ свио дѣйствителни добродѣ-теля состои се у свеобштемѣ чловѣколюбѣю: сматра-юћи разумни и добродѣтелни човекѣ у свимѣ людма природна чловѣчеству преимущества; упажаяюћи у свима високо благородство словесности и разума; пра-во изѣ тога суди и заключава, да су сви люди за на-равно совршенство и за благополучѣе одѣ Бога созда-ти. Види у нѣима и познае сродна себи створеня; за-то све свое задовольство у томѣ полаже, нѣювѣ ра-зумѣ просветити, нѣюве нарави поболшати и украси-ти, труде нѣюве облежчати, и време живота нѣюва, тихо, благопрѣятно и весело учинити; на кратко, че-ловѣколюбѣе е совршенство и благополучѣе други лю-дѣй, по свомѣ могућству приузроковати. Кадѣ ми чи-сто и извѣстно понятѣе дѣйствителнога чловѣколюбѣя себи представимо, ласно можемо познати, да источ-

никъ овога челолюбія у богопознанству, и благо-
разумію и трудолюбію наоди се: изъ правога бого-
познанства рађа се у нами велика и непрестана же-
ля, сва дѣла наша тако управляти, да су божіимъ со-
вршенствама сасвимъ согласна. При свакомъ погле-
ду на сва створеня показуе намъ се всесилни Богъ,
како обштіи човеческога рода благодѣтель; желимо
ли ми дакле по могућству нашему, божіи подражате-
љи бити, и толико, колико ограничество наше намъ
допушта, нѣму уподобити се? тога се иначе сподоби-
ти неможемо, разве, друге благодѣтелствујући, и у
нашемъ маленомъ предѣлу са свомъ крепостію и сна-
гомъ нашомъ настоѣћи, совршенство и благополучіе бра-
ће наше людій узроковати; а то исто и едно значи,
сасвимъ и усвачемъ човеколюбни бити. Благоразуміе
води насъ као за руку, и показуе намъ, која су къ
томе пристойна и способна средства; [зашто само хо-
тети, а не умети нити моћи, то ништа не помаже.
Трудолюбіе дае намъ одъ данъ до данъ нове крепо-
сти, и све то већу у напредованю общеполезни и
човеколюбни упражнѣнія: напуњава прси наше съ ве-
ликомъ охотомъ и ревностію за общте добро; и истій
зной нашъ и труде у овомъ прехвалномъ и благопо-
дражателномъ упражнѣнію, у неизказану сладость и
веселѣ преобраћа. Важность ове истине у давнашнѣ
време мудри Пифагора добро е познао и о томе ова-
ко е учио: *Ове су две највеће ствари даше одъ Бо-
га людма: истинствовати и благодѣтелствовати.*
Коже ко подражатель бива, ономе се и уподобљава: а
ово е само и единое средство Богу подражатель бити,
чрезъ любовь къ истини и благодѣяніе. Може ко ов-

де помислити, и ово питанѣ учинити: што ћемо са злимъ людма, хоћемо ли ии миловати или мрзити? ево на то одговоръ. Човекъ ако ће и зао бити, има у себи способностъ одъ зла престати, и може врло добаръ постати. Дакле, кадъ благій Богъ такога трпи и на покајање чека и ми као подражатели божій, морамо га трпити, и о нѣговомъ исправлѣнію колико више можемо старати се. Одъ зла човека валя се чувати; на нѣгове неваляле послове мрзити; а о нѣму као о болесномъ и неразумномъ, сожалѣніе имати; зашто е такви управъ несрећанъ човекъ; ако ли су пакъ нѣгове злобе такове, да обште спокойство и миръ возмућаваю, онда е посао и дужностъ Судія, кои су служители правде и закона, таковомъ злочинцу руке везати и силомъ ако му се и неће, у чувство га стерати; догде во обште о дѣйствителнимъ добродѣтелямъ; садъ ћемо ий, по наособито посмотрити.

Прва и поглавита дѣйствителна добродѣтель, содржава се у савршеной покорности и послушанію грађанскимъ закономъ. Свакъ добро види, да безъ суда и безъ закона царски или ти грађански, обштій миръ и спокойство неби нипошто могли обстати; зато разумни човекъ ништа тако, као обште благополучіе желећи, у свему е своєвольно и радостно царскимъ уређеніяма, закономъ и суду покоранъ и послушанъ; и никадъ неће штолибо найманъ, противъ заповеди и царске уредбе ни говорити ни творити. Безъ власти и суда люди би сасвимъ несрећни били, а наипаче слаби и немоћни; зато су народи, здравимъ разумомъ просвѣштени, своєвольно поставили надъ со-

бомъ Царе и владѣтель, кои мораю непрестано обна-
женъ мачъ на зашчишченіе правде и обштега спокой-
ства држати. Овой є подобна и рођена сестрица до-
бродѣтель *Нашріошизмъ* илити любовь къ отечеству.
Свакъ, кадъ добро разсуди, може познати, колика є
благодѣянія одъ свога отечества примію, родителъ и
рожденіе, воспитаіе и науку; подъ покровомъ закона
и правлѣнія спокойство и мирни животъ, све сродне
свое и найпрелюбезніе, оца и матеръ', браћу и сестре,
жену и дѣцу, сроднике и пріятелъ; исто Богопозна-
ство, просвештеніе разума, и све што му є годъ пре-
свето и пречестно, предраго и прелюбезно, све є то
отечеству дужанъ; зато му є благодаранъ, вѣранъ и
покоранъ до смрти: люби свое отечество како годъ
себе; можемо рећи и више еръ є готовъ зато у сва-
ко доба крвъ пролити и животъ положить. У светой
и високой персони Цара свога и владѣтеля сматра
и признає оца, благодѣтеля и обранителя цѣлога пре-
драгога отечества; вѣранъ є цару своме и владѣтелю
како годъ Богу; и све нѣгове непріятелъ држи за свое
и свога отечества главне злотворе и непріятелъ. Не
може се исказати, колико многоцѣнни даръ блакости
божіе, мударъ, човеколюбивъ добродѣтелянь царъ,
кои иначе не сматра народъ свой него као свою фа-
мілію, надъ коіомъ га є промисалъ божій поставію, да
є просвештава и уразумлява, да є одъ злобе укланя
и на добродѣтель наставля, да є брани, зашчишчава
и нѣзино благополучіе приузракує. Ова благодѣтелна
Сушчества садашнѣгъ блаженогъ времена, златногъ
вѣка и благополучнога рода; у вами двома даровао є
благій Богъ просветителя и оца западу, сунце и ма-

теръ сѣверу! Благословена ѣе бити и сладка имена
ваша одъ рода въ родъ. О да се благодѣтелни дни
ваши, на свеобште света благополучіе продуже! и да
наслѣдници ваши, непрестану по спасителнимъ стопа-
ма вашимъ ходити!

Сматра благоразумни Патріотъ у пречестнымъ
персонама Судію и начальника, правде и закона слу-
жителъ; и обштега мира и спокойства бодре и неу-
тружене Хранителъ; любви и, и почитуе како обште
благодѣтелъ, покоранъ имъ е и послушанъ до смрти.
Съ каковимъ любве и удивленія пунимъ очима, гле-
да мужественни военскій чинъ! свагда на оружію за
обште спокойство, страханъ и ужасанъ непріятелъмъ
отечества! коме е онъ свою витежку крвѣ поклонію и
посветію. На истий начинъ Архіереемъ, свешвеникомъ
и учителъмъ, кои га на добродѣтель наставляю, ра-
зумъ нѣговъ просвештаваю, срце и нарави украша-
ваю, високопочитаніе показуе и одае. Друга дѣйстви-
телна добродѣтель состоице у разумномъ расположе-
нію и употребленію благодѣянія. Нико, нитіе дужанъ
нити се изискуе одъ нѣга съ штетомъ своіомъ и свое
фамиліе, другима добро чинити. Реклисмо, да е до-
бродѣтель избирати найболъ; и тако дѣла своя управ-
ляти, да се изъ нѣи добра слѣдованя раѣаю: а кадъ
би еданъ човекъ, више него могуѣство нѣгово сноси,
другима давао, и крозь то самого себе и фамилію
свою у сиромаштво и скудость оборію и низринуо, то
би неразсудно добротвореніе било; изъ кога би се рас-
каяніе и зло слѣдованъ родило, и потомъ, разумной
добродѣтели неби било ни мало согласно; добро мо-

ра свагда бити съ расужденіемъ и разумомъ садружено, и никадъ не разлучено. Дати едномъ лѣнливу милостиню, да онъ може више у лѣности смрдити, и пїяници да се яче опіе, ово е благодѣяніе, кое ни люске лешнѣика не валя. Зато, комъ е Богъ дао начинъ и могуѣство благодѣтелствовати, онъ е дужанъ свагда съ здравимъ совѣтовати се разумомъ, комъ, колико, и на кои начинъ достои се дати. Дужанъ е себе сматрати за управителя и мудра строителя, надъ дарови небеснога Оца, и по евангелскомъ прикладу; съ на време предатимъ себи имѣніемъ управляти; даюћи комъ петъ, комъ два, а комъ еданъ талантъ. Овде се ясно познае, колике е важности дѣло у далека слѣдованя ствари проницати. На примѣръ: велико е добро разумна, трудолюбива и добра човека помоћи и подигнути, зашто овакови, кадъ се у добро состояніе положи, онда ће и онъ, многима добро чинити и помагати, и на овай начинъ, благодѣяніе не остае неплодно, но многима придодае се, расти и умножава. Ко има здрава леѣа и мишице, а никаква заната незна, нѣму е найвеѣа задужбина будакъ купити. Ни комъ безъ крайнѣ неволѣ неваля допустити просити, прошня е мати лѣности и безпослице; нерасудно давати и арчити, то се зове бацати и разсипати, и по томъ далеко е одъ добродѣтели, коя се состои у избранію найболѣга. Среѣни синови отечества, кои имаю могуѣство и усрдіе добро творити, никада неѣею се они, благопотребни мѣста лишити, гди могу, пристойно и достойно свое благодѣяніе употребити и наместити.

Треѣа дѣйствителна добродѣтель наоди се у бла-

годарности, кою смо дужни найпре и найвише къ великому и вѣчному благодѣтелю Богу. Припознаюћи разуманъ човекъ, безчисленна и неизказана благодѣянія божія, жели и настои, са своимъ крѣпостию душе и тѣла свога, такове високе милости достоянъ показати се, но размишляваюћи у исто време, да преблагій Богъ нити што друго потребуе нити одъ човека изискуе, разве то, што истомъ човеку на совершенство и благополучіе служи, то есть праведно, поште и добродѣтельно живлѣнъ, и да све, што годъ добродѣтели човекъ, на совершенство и благополучіе други людій чини, то исто преблагій небесни Отаць, колико да се нѣму истомъ твори, признае и прима. И ево како благодарни такова Отца синъ, наоди предъ собомъ створено, неограничено полъ къ благодѣленію и добродѣтели. Внутренюмъ увереностию, да чрезъ то, вѣчному Творцу благоугођава, укреплѣнъ и одушевлѣнъ; да довека на овомъ свету живи, довека не би престао, людма добро творећи. Ова иста дѣйствителна добродѣтель полаже намъ предъ очи, шта смо дужни сладкимъ родителѣмъ, за рођенъ, за трудно и милостиво воспитаніе, и за велику нѣиову къ нама любовь; и учи насъ, да докъ смо годъ живи, нѣима на службу, на угодіе живимо. Подобнимъ начиномъ, Царемъ, Владѣтелѣмъ, и Судіямъ, како Оцемъ, Заштитителѣмъ, и Благодѣтелѣмъ цѣлога Отечества дужни смо нерушиму вѣрность и подчинѣніе. Ёднимъ словомъ, ова пречестна добродѣтель, благодарность, содржава савъ родъ човеческій у нерушимомъ союзу благовољности и пріятелства, представляюћи намъ, да нико одъ насъ нити може самъ постати нити об-

стати, нити задоволянъ ни благополучанъ бити. За дружество смо одъ Бога создани, у сладкомъ друjestвy морамо живити, и чрезъ само содружество, совершенство душе и словесности наше задобити; зато, оно исто благонаклонство, кое смо одъ други примили, дужни смо драгоvolьно другима показивати; и тако, крозъ взаимно и друголюбно помаганъ и люблѣнъ; труде наше облакшавати, и време живота нашего тихо, мирно и благополучно проводити; одавде произходе и теку, као изъ неизсичуѣга извора све дружеске добродѣтели. Правда и вѣрность у погодбамъ и соглашениямъ; подчинѣнiе и вѣрность млађи и служителя къ старимъ своимъ; праведно возмаждене и награда, и отеческа доброта и попечене са стране старешина къ млађимъ и къ служителямъ своимъ: одавде чистосердечность и благонаравие у обхођенiю; нелестность и чиста истина у говореню, поштено држанъ речий свои, и разумни обѣштаниа. Еднимъ словомъ; любовь и не-вредима вѣрность друjestва, прiятельства, сладкога супруjestва, и све свете пречестне човекодружеске, комшијске и грађанске добродѣтели одавде се рађаю и израштаваю. Четврта дѣйствителна, велика и витежка добродѣтель нариче се *великодушiе*. Овай славни човеколюбiа породъ, кадъ напуни добродѣтельно срце желомъ вѣчне славе и безсмртiа, поставля га превише сваке човеческе слабости, чинѣи га да и безъ сваке свое временне ползе добро другима чини. Сматраюћи добродѣтель, како само прекрасну, совершену, небесну, божествену, и саму свое велике душе достойну, у ню залюблѣнъ и нѣойзи душомъ и тѣломъ преданъ, у нѣой истой наоди и люби Бога, и у Богу

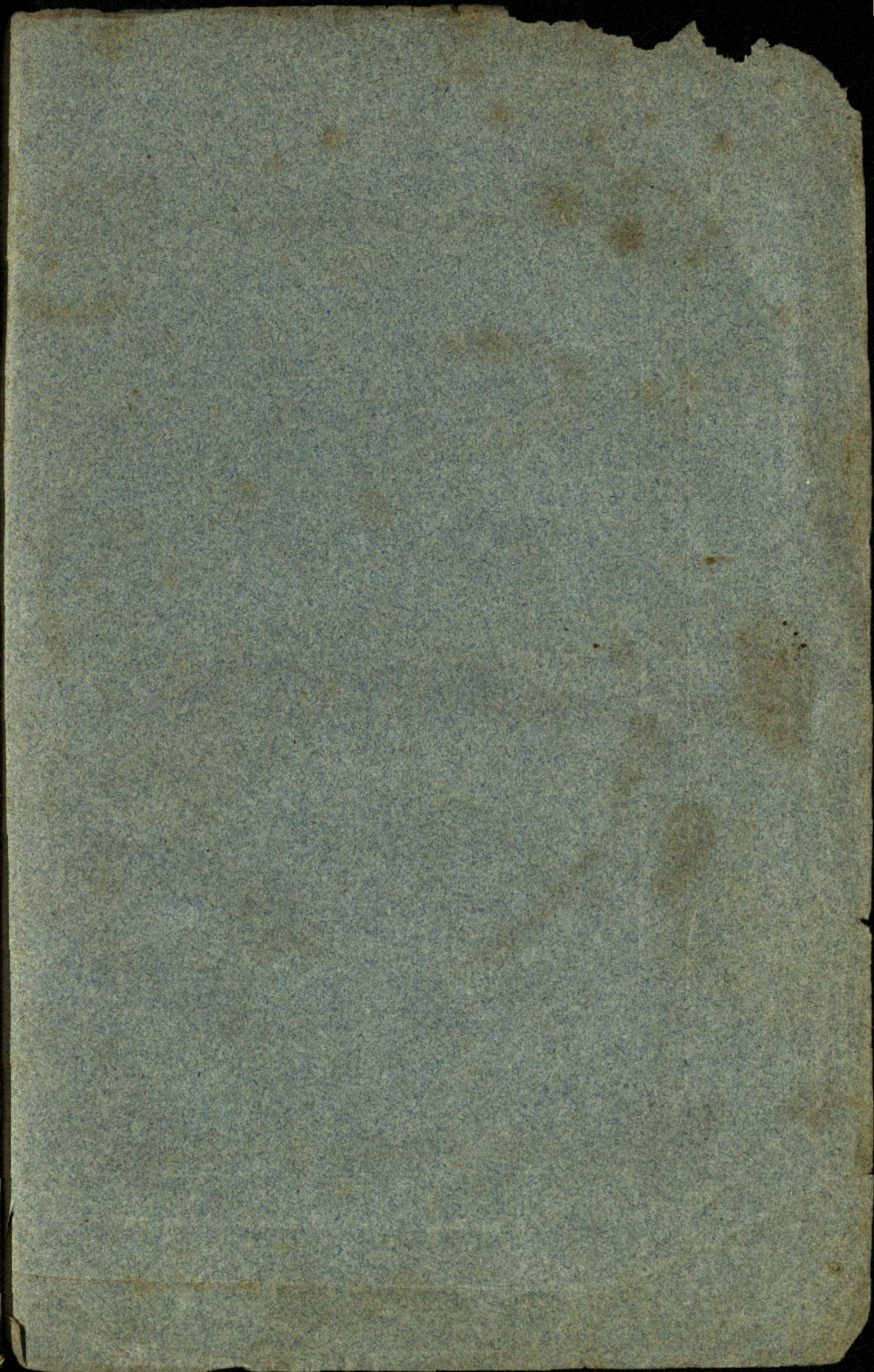
добродѣтель. Ништа га нѣ кадро съ пута добродѣтели свратити, и одъ нѣйзине сладке любви одтргнути; внутренѣимъ чисте свое совѣсти свидѣтельствомъ задоволянъ, нити пита, нити се стара, шта о нѣму други мисле и говоре люди. Праведанъ е као Аристидъ, постоянъ као Като, неумитанъ као Фабриціусъ, мударъ и добродѣтелянъ као Сократъ, човеколюбивъ и благъ као Іисусъ Спаситель. Сама ова хероическа добродѣтель, своимъ истимъ непріятелѣмъ и злотворомъ, не само прашта, и освету надъ нѣима не тражи него и добро имъ чини, ако одъ нѣга потребу имаю; и на таково височество совершенства свога любителя пенъ и узвишуе, да га чини добродѣтелна за саму къ добродѣтели любовь, нити се онъ више обзире нити мисли, сматра ли га ко за такова или не. Овомъ небесномъ любовію, изванъ себе возхићенъ, и на крилама ове прекрасне добродѣтели возвишенъ, благодарствуе неблагодарне како годъ и благодарне; еръ онъ не чини добро, да му ко зато благодари, него, зашто сву свою сладость и благополучіе у добротворенію наоди; и не само, не изискуе да се нѣгова добра дѣла нѣму приписую, него іоште, и самъ ій, колико може одъ себе сакрива, и къ самомъ единомъ Богу, као къ источнику и началу свакогъ добра возводи ій, и нѣму іи приписуе и посвештава. О дивна, прекрасна, сладка добродѣтели! Првородна божія кћери! Небесна Царице! невѣсто праведни душа! Сиђи съ неба! оди! оди међу люде! покажи синовомъ човеческимъ красоту и лице твое, пакъ ће имъ се земля у рай претворити: кадъ тебе познаду, и съ тобомъ се саѣдине, онда ће ю познати сву силу и исти-

ну они Хріста Спасителя речій: *Царство є небесно у вами!*

Ево представи смо, колико на краће могосмо, изворъ и почетакъ добродѣтели, у просвѣщенію разума, и у разумномъ закрѣванію угодного. Свакъ садъ ласно познати може, како су све добродѣтели, колико предуготовителне толико и дѣйствителне, крепко и не отлучно соединѣне, како се осниваю на богопознанству и трудолюбію; и исполняваю крозь богоподобно човеколюбіє и благодѣяніє. Ево како све право угодіє, полза и благополучіє у добру наоди се. Любовь славе, иманя, и разумногъ богодозволѣногъ наслажденія, кадъ су съ добродѣтелію соединѣне, ништа друго нису, него добродѣтели, приузрокуюћи разумно задовољство словесногъ човека, у красноравію и и совршенству тѣла и душе нѣгове, у свагдашнѣмъ благополучію и съ Богомъ соединѣнію.

(Конацъ четврте Кнѣиге.)

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

P₁₉ Ср II 864/II.1

Нар. Књигопечашня Дан. Медаковића.